

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТИГРАН СИМЯН

**ЕРЕВАНСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ:
СЕМИОТИКА ПРОСТРАНСТВА,
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТ,
СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ**

ЕРЕВАН
Издательство ЕГУ
2021

УДК 008
ББК 71.0
С 370

*Печатается по решению ученого совета факультета
европейских языков и коммуникации ЕГУ.*

Рецензенты:

Аванесов Сергей Сергеевич
доктор философских наук, профессор
(НовГУ, Россия)

Усовская Элина Аркадьевна
кандидат культурологии, доцент
(БГУ, Беларусь)

Научный редактор:
доктор исторических наук, профессор
Степанян Альберт Андраникович
(ЕГУ, Армения)

Симян Тигран

С 370 Ереванский государственный университет: семиотика пространства, интеллектуальный ландшафт, социальная память / Т. Симян. – Ереван: Издательство ЕГУ, 2021. – 102 с.

В монографии рассматривается семиотизированное пространство интерьера и экстерьера Ереванского государственного университета. Особое внимание уделяется фойе главного здания, структуре музея университета, культурным артефактам, а также экстерьерному пространству, барельефам, скульптурам, хачкарам, расцветшему посоху-кресту, граффити, посвященным погибшим в Карабахе в 2016 г.

Книга может быть полезна семиотикам культуры, исследователям городского пространства, культурологам, религиоведам, а также всем интересующимся исторической, социальной и культурной памятью.

УДК 008
ББК 71.0

ISBN 978-5-8084-2488-3

DOI: <https://doi.org/10.46991/YSUPH/9785808424883>

© Издательство ЕГУ, 2021
© Симян Тигран, 2021

*Эта монография посвящается всем
героически погибшим во Второй
Карабахской войне 2020 г.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

БЛАГОДАРНОСТИ	7
ВВЕДЕНИЕ. ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ АНАЛИЗА	8
Методологические основания исследования и краткий экскурс по тематике	9
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
ЭКСТЕРЬЕРНЫЙ «ЦЕНТР» УНИВЕРСИТЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА.....	13
От экстерьера к интерьеру.....	13
Пространство библиотеки ЕГУ и средневековые маркеры университетского пространства.....	20
Советский маркер в университетском пространстве	30
Заключение	34
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
ИНТЕРЬЕРНЫЙ «ЦЕНТР» И ЭКСТЕРЬЕРНАЯ «ПЕРИФЕРИЯ» УНИВЕРСИТЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА.....	36
Фойе центрального корпуса ЕГУ	36
Верхние этажи центрального корпуса ЕГУ: ректорат, музей.....	38
Функция университетского музея	39
Тема и визуализация Геноцида армян в экстерьерном университетском пространстве: Аллея благодарности	43
Исторические маркеры университетского пространства.....	45
Пешеходные ворота университета и Карабахская война 2016 г.....	49
Факультетские маркеры университетского пространства.....	52
Философский факультет: репродукции армянской миниатюры	58
Заключение	61
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	
ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ХРИСТИАНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ.....	62

Экстерьерные и интерьерные хачкары богословского факультета	62
Символика, традиция и функция расцветшего посоха-креста	71
Выводы.....	85
ЭПИЛОГ	86
БИБЛИОГРАФИЯ	89
SUMMARY	97

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор выражает признательность своим рецензентам: доценту Белорусского государственного университета, заведующей кафедрой культурологии Элине Аркадьевне Усовской за ценные замечания, директору научно-образовательного центра «Гуманитарная урбанистика» Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого профессору Сергею Сергеевичу Аванесову за великодушную помощь и важные предложения, а также за авторские фотографии, сделанные во время его визита в ЕГУ.

Благодарен также историку-античнику, заведующему кафедрой всемирной истории Ереванского государственного университета, профессору Альберту Андраниковичу Степаняну за согласие на научную редактуру рукописи и за концептуальные предложения для улучшения данной монографии.

Особое признание также директору музея ЕГУ Эгине Гаспарян за любезное проведение экскурсии по музею ЕГУ, а также декану факультета европейских языков и коммуникации ЕГУ доценту Геворгу Барсегяну за ходатайство о публикации данной монографии.

Автор благодарит также всех своих коллег из университета и членов редколлегии за одобрение публикации настоящего издания.

Ереван, декабрь 2020 г.

ВВЕДЕНИЕ. ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ АНАЛИЗА

Семиотизация пространства Ереванского государственного университета (ЕГУ) произошла в советскую и постсоветскую эпохи и хронологически охватывает больше века: от основания ЕГУ (1919) до настоящего момента. Следует заметить, что ЕГУ находится в центре города, на границе между малым и большим центрами и является частью целого – городского пространства Еревана. Центральная территория ЕГУ не маркирована как отдельное закрытое пространство, она открыта для жителей города и посетителей. Университетское пространство не сакрализировано, как любая другая часть социального и общественного пространства, а открыто для «ощущения» и наблюдения. Территория перед главным зданием университета в рабочее время суток становится преимущественно зоной отдыха для студентов, пространством исторической, культурной и социальной памяти, а в вечернее – игровой площадкой для детей, иногда и «велотреком».

По сути, университетская территория оказывается для жителей соседних домов пространством не-места [Оже 2017], т.е. пространством транзитного пребывания – таким же, как метро, вокзалы, аэропорты, магазины, отели и т.п. Важно при этом, чтобы университет, как метко было отмечено профессором С. Аванесовым, организовывал «транзит» «из прошлого – в будущее, из аморфности – в идентичность» [Аванесов 2019, 276], из деградации – в развитие, из разочарования – в светлое будущее, из болезненного консерватизма – в инновации.

Монография является продолжением дискурса «Городской текст Еревана» в армянском научно-семиотическом поле, которое всё ещё находится в процессе становления и формализации [см.: Долуханян 1997, 93-107; Степанян /

Симян 2012, 6-16 и др.]. Однако следует при этом подчеркнуть, что данная монография является также фрагментом или частью «Ереванского текста», и в наших будущих изысканиях разнозначные единицы и синтагмы городского текста станут предметом дальнейших исследований.

Методологические основания исследования и краткий экскурс по тематике

Данное семиотико-типологическое исследование университетского пространства ЕГУ является продолжением и обогащением темы ереванского городского текста, поскольку представляет собой сегментированный и фокализованный анализ конкретного, локального университетского пространства, рассмотренного в аспектах интерьера и экстерьера.

Очень многие исследователи обращались к теме становления университета, деятельности университетских выпускников, анализу культурных артефактов [Гарибджанян 1971, Енгоян 1975, Аракелян 1979, Гарибджанян 1986, Симонян 2018, Енгоян / Минасян 2019]. В сравнении с существующим дискурсом о Ереванском государственном университете данное исследование является попыткой прочтения университетского пространства исходя из идей австрийского философа Людвиг Витгенштейна (1889-1951). В своём «Логико-философском трактате» он отмечает, что предметы в пространстве невозможно представить без связи с другими предметами (2.0121), все предметы связаны друг с другом, как звенья одной цепи (2.03)¹. Именно в этой

¹ Wie wir räumliche Gegenstände überhaupt nicht außerhalb der Zeit denken können, so können wir uns *keinen* Gegenstand außerhalb der Möglichkeit

логике будут рассмотрены культурные артефакты, оформляющие собой пространство Ереванского государственного университета, – как предметы одной цепи, прочитанные в разных синтагматических фразах и связях. Анализ и интерпретации этих цепей позволяют выявить «структуру состояния вещей» или событий (2.034), что можно понимать как презентацию витгенштейновского суждения: «В событии объекты сцеплены друг с другом, как звенья цепи» (2.03) [Витгенштейн 1994, 8-9]².

Сам дискурс «пространственного поворота» (spatial turn) [Bachmann-Medick 2007, 284-328; Schlögel 2003; Geppert / Jensen / Weinhold 2005, 15-49], опыт семиотической интерпретации университетского пространства, подходы и методы его анализа в русскоязычном и в зарубежном научном сообществе были проанализированы в разных исследованиях [Кулакова 2006; Поронюк 2015; Мукин 2017; Аванесов 2019; Смирнов 2019 а; Смирнов 2019 б, Dotzauer 1977, 112–141; Pešek 1991; Dickerhof 1994; Schindling 1999; Asche 1999; Asche 2000; Kießling 2003; Frijhoff 2007; Asche 2008; Giese 2009; Töpfer 2009; Asche 2010; Rutz 2010a; Bönisch 2013 и др.].³

Русскоязычная научно-критическая литература описывает семиотически маркированное пространство университета с разных точек зрения: культурно-исторической, социокультурной и др. Например, Ирина Кулакова анали-

seiner Verbindung mit anderen denken (2.0121); Im Sachverhalt hängen die Gegenstände ineinander, wie die Glieder einer Kette (2.03) [Витгенштейн 1994, 5, 7].

² По этой же логике рассмотрены микротопонимы интерьерного пространства филологического факультета СПбГУ, в соавторстве с доцентом Альбиной Бояркиной [Бояркина / Симян 2020, 239-259].

³ Следует заметить, что в немецкоязычном и англоязычном дискурсах подобные анализы характеризуются ключевыми словами «Bildungsräume», «Bildungslandschaften», «educational space», «educational landscape».

ирует пространство Московского университета, придерживаясь указанных подходов. За последнее десятилетие исследователи стали рассматривать университетское пространство как культурную среду [Поронюк 2015, 40-46]. Методологической предпосылкой для С. Поронюка стала статья Д.С. Лихачева «Культура как целостная среда», в которой культурное пространство рассматривается не как географическая территория, а как «прежде всего пространство среды, имеющее не только протяжённость, но и глубину» [Лихачев 1994, 3]. Подобный подход также был взят автором на вооружение для целостного эмпирического анализа культурных артефактов ЕГУ.

Следует заметить, что культурно-исторический подход не предполагает учёта семиотического метаязыка и применения семиотического анализа, не имеет в виду культурно маркированного семиотизированного пространства. Подобный подход больше отвечает на вопросы «что» и «когда». Это очень важный уровень анализа. Он подготавливает почву для интерпретации университетского пространства второго уровня.

Важным аспектом анализа университетского пространства, как и города-кампуса, является его прагматическое (образовательное) измерение [Смирнов 2019 а; Смирнов 2019 б; Naar 2011, 1-27, 149-184, Törfer 2016, 83-99]. Автор монографии уделит внимание этому аспекту, поскольку интерьер и экстерьер ЕГУ, по сути, являются ознакомительно-образовательным посланием своим реципиентам.

Семиотический метод, благодаря разным измерениям (семантическому, прагматическому, синтагматическому, парадигматическому и т.д.), отвечает, как минимум, на вопросы «как» и «почему», выявляет неосознаваемые социальные и психологические структуры, ценности, виды памяти, механизмы запоминания и забвения, знаки идентичности и

т.д. Именно в бинарной оппозиции «университет – город» профессор С. Аванесов описывает университетское пространство в его культурологическом, антропологическом и историко-функциональном аспекте. Университет рассматривается в своих «архетипических» функциях античной Академии и христианского монастыря [Аванесов 2019, 270]. Неспроста в интерьере ЕГУ «всплывает» репродукция Рафаэля «Афинская школа», видные деятели культуры и выпускники армянских средневековых университетов, а также важные церковные атрибуты и маркеры – кресты-камни (хачкары), посохи. Все эти «архетипические» артефакты и их функции станут предметом анализа в данной монографии – как маркеры-аллюзии на пространство армянских средневековых университетов: Гладзорского и Татевского.

* * *

Всякая речь дискретна; соответственно, и эта монография дискретна. Она состоит из трёх отдельных фраз, частей-речей. Они, как отдельные части, призваны создавать целое. Последнее образуется из отдельных фрагментов, видений, описаний, актов конструирования университетского городского пространства. Витгенштейновский подход описания «состояния предметов» (Sachverhalt) в авторском видении преломился в подобной субъективной наррации и очерёдности.

Подобная попытка интерпретации университетского пространства является *опытом описания, одним из возможных вариантов видения «состояния вещей»*, артефактов и оформленного ими образовательного ландшафта университетского пространства.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ЭКСТЕРЬЕРНЫЙ «ЦЕНТР»

УНИВЕРСИТЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

Цель данной главы – описание экстерьерного «центра», переход от экстерьера к интерьеру центрального здания, представление структуры библиотеки университета на примере представленных артефактов, а также советских атавизмов университетского пространства.

От экстерьера к интерьеру

Рассмотрим вначале культурные семиотизированные «маркеры» – скульптуры на территории ЕГУ. Прямо перед центральным зданием (Ил. 1) стоит памятник, посвящённый армянским священнослужителям Сааку Партеву и Месропу Маштоцу; благодаря последнему в начале V в. был создан армянский алфавит. Скульптура была установлена перед университетом в 2002 году. Она является увеличенной репликой микроварианта, созданного в 1943 г. армянским скульптором Ара Саргсяном (1902-1969).

Если прочесть скульптуру вне контекста университета, то памятник – в прагматическом плане – напоминает студенту о двух великих культурных деятелях Средневековой Армении. Если памятник читается в синтагматической фразе «памятник–центральное университетское здание», то пространственное «начало» университета раскрывается в дидактическом модуле. Смысл в том, что культурный «вход» в университет возможен только после знания армянских кодов (букв, слов, текстов и т.д.).

Ил. 1. Главный корпус Ереванского университета
Источник: <https://avproduction.am/?ln=en&page=culture&id=18>

Иными словами, только после изучения (армянского) языка, после познания «первичной моделирующей системы» (Ю. Лотман) можно перейти к следующему уровню – к познанию науки, войти в «кузницу» учителей, исследователей, учёных. Лишь после усвоения языка студент может приступить к изучению метаязыка – языка науки, а также приступить к постижению «вторичных моделирующих систем» (религия, литература, лингвистика, искусство, философия и т.д.)⁴.

Университет, по сути, должен учить студентов и будущих специалистов говорить, мыслить и оперировать знаниями на разных научных языках, что станет предпосылкой для вечного интеллектуального возрождения в последую-

⁴ См. об этом подробнее: Лотман 1965.

щие эпохи. Иными словами, учащиеся университета должны услышать гул языка в широком смысле бартовского понимания этого понятия⁵. Преподающиеся знания, компетенции, метаязыки не должны стать для студента не-смыслом, прозвучавшим «где-то вдали»; они должны быть «изъятым смыслом» для продуктивной и инновационной деятельности в будущем.

Дидактические мотивы в университетском пространстве можно увидеть на барельефной стене спортивного зала ЕГУ (Ил. 2). Визуализацию сцены «орёл, кормящий своего птенца» можно интерпретировать в разных кодах. Университет-орёл кормит знаниями своих орлят, птенцов-студентов. Если проанализировать изображение в чисто биологическом ключе, то здесь можно видеть норму, согласно которой каждый должен заботиться о своём будущем потомстве. А если рассмотреть сцену в контексте ещё одной функции спортивного зала ЕГУ, где работает приёмная комиссия, то для реципиента активируется код заботы: сотрудники приёмной комиссии готовы помочь своими советами абитуриентам. Тем самым барельеф приобретает для разных реципиентов неодинаковые значения, становясь знаком-означающим для различных означаемых.

⁵ «<...> гул языка – это смысл, позволяющий расслышать изъятость смысла, или, что тоже самое, это не-смысл, позволяющий услышать где-то вдали звучание смысла...» [Барт 1989, 543].

Ил. 2. Орёл и орлёнок. Фото: Тигран Симян, 2019

Вернёмся теперь к анализу ключевой скульптуры – Месропу Маштоцу и Сааку Партеву. Поднятая правая рука Месропа Маштоца (361-440) указывает на «правое» дело, которое наконец свершилось, а открытая ладонь правой руки католикоса Саака Партева (338-439) отсылает к открытости: письма с открытым сердцем вручаются народу. Скульптура перед университетом является, по сути, «пересмотром» скрытого ментального кода советской эпохи. Сказанное интерпретируем в историко-типологическом плане. Перед зданием Матенадарана (Институт древних рукописей) расположен памятник Месропу Маштоцу и его ученику – Корюну (1967)⁶, скульптура акцентирует оппозицию

⁶ О семиотическом аспекте этого пространства см.: Степанян, Симян 2012, 9-11; Долуханян 1997, 99.

«учитель vs ученик»; университетская же скульптура – оппозицию «архимандрит (Месроп Маштоц) vs Католикос (Саак Партев)».

На трансформацию ментального кода впервые обратил внимание антрополог Левон Абрамян. Как было метко им отмечено, роль армянского католикоса и царя Врамшапуха (389 или 400-414) в советское время умаялась [Абрамян 2011, 93], а установление скульптуры перед университетом можно рассматривать как «пересмотр» всего организационного процесса изобретения армянской письменности⁷, поскольку в постсоветскую эпоху на подсознательном уровне произошла десекуляризация сознания, и оппозиция «учитель vs ученик» сменилась на другую оппозицию – «католикос vs архимандрит».

В этом противопоставлении акцентируются духовные деятели и косвенно подчёркивается функция Церкви; изобретение письменности было заказом, проектом, предложенным «сверху» социальным заказом [Абрамян 2011, 92].

К сожалению, в городском пространстве Еревана нигде пока не визуализированы все «авторы» изобретения письменности в тернарной оппозиции: царь – католикос – архимандрит (Врамшапух – Саак – Месроп), хотя, как отмечает Л. Абрамян, «в конкурсах постсоветского времени на памятник, который заменил бы низвергнутого Ленина на площади Республики (бывшей площади Ленина), было несколько проектов, где Маштоц был уже в компании католикоса Саака Партева и царя Врамшапуха» [Абрамян 2011, 93]. Но, как показывает эмпирическое наблюдение, это место не загромождено культурными знаками, оно в летнее время покрыто травой и цветами.

⁷ Об истории сознания армянской письменности см. подробно статью профессора Альберта Мушегяна: Мушегян 2006, с. 210–236.

Перед центральным входом университета слева и справа (Ил. 3-4) стоят памятники армянскому средневековому историку Мовсесу Хоренаци (V в.) и математику, картографу, астроному, алхимику, основателю древнеармянского естествознания Анании Ширакаци (VII в.). Расположение скульптур в общем плане указывает на расположение факультетов по правую и левую стороны здания. На правой стороне находятся факультеты фундаментальных наук (факультет радиофизики и физики, информатики и прикладной математики и факультет математики и механики), а на левой стороне от центрального здания – юридический факультет, факультет международных отношений, факультет русской филологии, факультет востоковедения, факультет европейских языков и коммуникации.

Ил. 3-4. Памятники М. Хоренаци (слева) и А. Ширакаци
Фото: Тигран Симян, Сергей Аванесов, 2019

Если прочесть университетское визуальное пространство от памятника Сааку Партеву и Месропу Маштоцу через центральное здание к Аллее Благодарности (посвящённой европейцам, помогавшим Армении), которая находится за центральным зданием университета, то у нас получится тернарная синтагматическая фраза с двумя деталями экстерьерного пространства (скульптура и аллея) и одного интерьерного (центральное здание ЕГУ). Но следует также чётко подчеркнуть, что на оси двух полюсов Университета выявляется интересная семантическая рамка: «начало» интеллектуального, цивилизационного возрождения (Саак Партев, Маштоц), «конец» – Аллея Благодарности – как постгеноцидальное возрождение⁸, а внутри рамки возрождения в университетском пространстве проявляется языковая игра в витгенштейновском понимании.

Университетское пространство можно рассмотреть не только как пространство гула языка в узком и широком смысле этих слов, но и как потенциальное пространство для проявления всех форм речевых жанров (Бахтин): от гула бессмысла, «шума» (хаоса) до «изъятости смысла», информации (космоса), теорий, метаязыка, научных дисциплин (социология, философия, политология, математика, физика и т.д.) и разных инновативных практик (языки программирования). Подобное понимание языковой игры можно аргументировать следующей цитатой из книги «Философские исследования» Людвиг Витгенштейна: «"Языковой игрой" я буду называть также единое целое: язык и действия, с которыми он переплетён» (§ 7).

Таким образом, в целом получается следующая пространственная синтагматическая фраза: памятник Сааку

⁸ Автор за эту идею благодарен профессору Альберту Степаняну.

Партеву и Месропу Маштоцу – центральное здание (библиотека и музей университета) – Аллея Благодарности отсылают к семантической рамке возрождения, а ось скульптур по диагонали перед центральным зданием (Хоренаци – Маштоц / Саак Партев – Ширакаци) указывают на глубокие корни армянской письменности, историографии, науки и культуры. Иными словами, «начало» экстерьерного пространства университета отсылает к деятелям раннего армянского средневековья.

Пространство библиотеки ЕГУ и средневековые маркеры университетского пространства

Строительство здания библиотеки ЕГУ было начато в 1984 г. (архитектор – Левон Бабаян, скульптор – Ваган Казарян), а 12 октября 1994 г., в год 75-летия основания университета, строительство нового здания было завершено [Симонян 2018, 223]. Собранная литература (свыше 2 млн книг) и доступ к электронным ресурсам позволяет библиотеке ЕГУ быть не только хранилищем национальной культурной памяти, но и частью транснационального культурного наследия.

Ил. 5. Интерьер библиотеки. Фото: Сергей Аванесов, 2019

В семиотическом плане интересен барельеф в фойе библиотеки (Ил. 5). Следует заметить, что сам материал барельефа отсылает к феномену армянскости, поскольку армянский туф является одним из традиционных и легко узнаваемых строительных и облицовочных материалов Армении. Список изображённых на барельефе фигур:

Мовсес Хоренаци (V в.)	Месроп Маштоц (V в.)	Давид Анахт (V–VI вв.)
Анания Ширакаци (VII в.)	Торос Рослин (XIII в.)	Григор Нарекаци (X–XI вв.)
Ованес Имастасер (XI в.)	Акоп Мегапарт (XV–XVI)	Мхитар Гераци (XII–XIII)
Мхитар Гош (XIII в.)	Хачатур Абовян (XIX в.)	Григор Татеваци (XIV–XV в.)
	Микаэл Налбандян (XIX в.)	
	Ованес Туманян (XX в.)	
	Егише Чаренц (XX в.)	

Само расположение средневековых учёных справа и слева по принципу витражного моделирования является косвенной отсылкой к средневековым университетским традициям: Санаинской (966), Анийской (XI в.), Гладзорской (1284)⁹, Татевской (1390) и т.д.¹⁰, поскольку изображённые средневековые учёные были выпускниками этих университетов. В центре сверху плиты представлен Месроп Маштоц. По замыслу скульптора барельефа, семантическая нагрузка в нём концентрируется на верхнем центре, на крупной фигуре Месропа Маштоца.

Если изображённые фигуры деятелей средневековой культуры и естествознания справа и слева просто отсылают к высокому уровню средневековой культурной и научной традиции без какого-либо семантического противопоставления противоположных фигур, то расположение образов по центру семантически нагружено в нескольких смыслах.

⁹ См. подробнее: Абрамян 1983; Гарибян 1983; Гарибджанян 1986.

¹⁰ См. подробнее: Гарибджанян 1971, 9-15; Аревшатян, Матевосян 1984; Гарибджанян 1986; Азатян 2009, 10-12; Бархударян 2013, 3-21.

Изобретатель письменности Маштоц, художник-миниатюрист, крупнейший представитель армянской Киликийской школы миниатюры Торос Рослин и Акоп Мегарт, издавший в 1512 г. в Венеции первую армянскую печатную книгу «Книга пятниц» (Урбатагирк) семантически связаны друг с другом. Их деятельность имеет отношение к письменности: к рукописи и печатной книге, к символическим (алфавит, слово) и иконическим (миниатюра) знакам, что и акцентировано путём их совместного изображения. Кроме того, барельеф на прагматическом уровне становится культурным «мостом» между богатой университетской традицией средневековой Армении и современностью.

Армению Нового времени представляют здесь четыре известных деятеля армянской культуры и литературы – по центру, ниже Акопа Мегарта: писатель Хачатур Абовян (1809-1848) как основатель новой армянской литературы, поэт, критик; публицист Микаэл Налбандян (1829-1866) как носитель «проекта Просвещения», демократ; а также два крупнейших национальных поэта – Ованес Туманян (1869-1923) и Егише Чаренц (1897-1937).

Армянский писатель начала XX века Егише Чаренц представлен в университетском пространстве не только на барельефе библиотеки ЕГУ, но и на улице Чаренца. В его честь назван книжный магазин в виде книги (Ил. 6)¹¹, на котором написаны слова поэта: «Умение чувствовать красоту – только одна часть таланта писателя. Без неё нет настоящего поэта». Адресатом приведённого текста являются проходящий мимо студент, преподаватель и т.д.

¹¹ Заметим, что в центре Еревана на центральных улицах, названных в честь армянских поэтов, можно увидеть подобные книжные магазины, например, имени Ваана Терьяна (1885-1920) и т.д.

Высказывание раскрывает самого поэта, его творческую аксиологию, а также «поэтику» – умение чувствовать красоту. Одним из потенциальных смыслов фразы «умение чувствовать красоту – только одна часть таланта писателя» в контексте университетского пространства можно считать намёк ещё и на ум, интеллект. Иными словами, для полноценной жизни, кроме науки, нужно уметь чувствовать красоту.

Ил. 6. Киоск в виде книги. Фото: Тигран Симян, 2019

Отметим, что средневековые деятели армянской филологии визуализированы и представлены в фойе здания на первом этаже, на досках-барельефах работы Левона Токмаджяна (род. 1937) (Ил. 7).

Ил. 7 Фойе армянского филфака.
Фото: Тигран Симян, 2019

На этой синтагме в центре снова представлен изобретатель письменности Месроп Маштоц. Справа от него представлены Григор Нарекаци (X в.), Комитас (XX в.) и Егише Чаренц (XX в.), слева – Мовсес Хоренаци (V в.), Хачатур Абовян (XIX в.), Ованес Туманян (XX в.)¹². По логике син-

¹² На втором этаже здания филологического факультета можно увидеть также портрет армянского критика и политического деятеля Никола Аг-

тагмы, можно вывести, что от «центра» – Месропа Маштоца – удаляются согласно хронологии ключевые деятели армянской культуры.

Ованес Туманян XX в.	Хачатур Абовян XIX в.	Мовсес Хоренаци V в.	Месроп Маштоц «центр»	Григор Нарекаци X в.	Комитас XX в.	Егише Чаренц XX в.
----------------------------	-----------------------------	----------------------------	-----------------------------	----------------------------	------------------	--------------------------

Подводя промежуточный итог, подчеркнём, что фигура Маштоца становится парадигмообразующей основой, «притягивающей» все остальные фигуры не только на барельефе библиотечного здания, но и в фойе центрального здания ЕГУ. Иными словами, «центральная» фигура (Месроп Маштоц) притягивает «периферийные» фигуры, «собирает» их около себя. Становится очевидным также, что идея изобретения письменности, образ рукописи / книги и фигура М. Маштоца являются архетипически значимыми константами; это выявляется при анализе центральной оси экстерьерного и интерьерного пространства главного корпуса университета и находящегося в нём филологического факультета.

В университетском пространстве ЕГУ можно увидеть ещё одну отсылку к средневековой традиции. Здесь представлен принцип определения времени. Вертикальные солнечные часы с армянскими буквами-цифрами можно увидеть на здании гуманитарных факультетов ЕГУ, ближе к выходу на улицу Чаренца (ил. 8). На иллюстрации по гномону чётко прочитывается время. Тень падает на армянскую букву «Ж» (ժ).

баляна (1875-1947), а напротив, на стене – портреты преподававшей профессуры.

Ил. 8. Солнечные часы и барельеф «Наука»

Источник:

<https://www.panorama.am/ru/news/2019/02/23/Солнечные-часы-Звартноц/2076856>

Если отсчёт начинается с буквы «Ա» армянского алфавита («А» значит 7, «Б» – 8 и т.д.), то, соответственно, буква «Ժ» указывает на 16.00. В средневековые солнечные часы высекались на южных стенах церквей, чтобы священнослужители могли структурировать и планировать время и для проведения богослужения. В нашем контексте солнечные часы на здании гуманитарных факультетов одновременно отсылают к средневековой традиции естественных наук и культуры, поскольку вертикальные солнечные часы были ещё и архитектурными декорациями, эстетическими знаками, в которых можно увидеть разные языки декораций¹³.

Ил. 9. Царь Аргишти I. Фото: Тигран Симян, 2019

¹³ Заметим, что солнечные часы могут иметь не только утилитарное значение, но также дать повод подумать о потусторонней жизни. Например, на стене протестантской церкви Св. Георгия на площади Марктплац в городе Гайде (Шлезвиг-Гольштейн) под солнечными часами написано: «Моё время в Твоих руках» (Meine Zeit steht in deinen Händen), что для реципиента становится поводом для осмысления своей временной жизни.

Конечно, армянское средневековье – не единственная эпоха, которая визуализирована или представлена через образы различных учёных. В университетском пространстве активно представлена эпоха Урартского царства благодаря барельефу Аргишти I (786-764 гг. до Р. Х.) на стене здания спортзала ЕГУ (Ил. 9)¹⁴. Царь Аргишти I стал важной политической фигурой, расширившей границы Урартского царства и основавший город Эрбуну (782 г. до Р. Х.). Университетский барельеф является копией подлинника, который можно увидеть на фасаде здания музея Эрбуну (Ил. 10).

Ил. 10. Здание музея Эрбуну. Ереван, Армения. Фото: Марцин Косек, 2014

¹⁴ Автор статьи благодарен искусствоведу Сейрануш Манукян, подсказавшую, кто именно представлен на барельефе.

Барельеф царя Аргишти I в университетском пространстве на внешней стене спортзала ЕГУ указывает больше на духовную, чем на физическую силу. Иными словами, барельефами орла, кормящего своего птенца, изображением головы урартского царя на том же здании моделируется аура силы. В прагматическом плане урартский барельеф отсылает к сильному историческому прошлому и одновременно становится для реципиента поводом для вдохновения, поднятия духа. Но все эти коды и идеи становятся активными только в том случае, если реципиент барельефа *знает* о деяниях царя Аргишти I.

Советский маркер в университетском пространстве

Заметим, что в университетском пространстве можно увидеть «след» советской эпохи в виде барельефа на здании гуманитарных факультетов, расположенного ниже, чем описанные ранее солнечные часы, и выступающего как его «продолжение» (Ил. 8). На синтагматическом уровне здесь очевиден временной эклектизм: если первое (часы) отсылает к армянской *национальной* научной средневековой традиции, то второе – к советской, транснациональной. Барельеф, изображающий три фигуры, исполнен в стиле соцреализма.

Адресатами данного барельефа являлись все учащиеся и трудящиеся советского общества. Барельеф в советскую эпоху был артефактом советского искусства и одновременно имплицитной социально-политической «рекламой», визуальным каналом пропаганды. В нынешнее время барельеф может рассматриваться как «оду» науке, хотя для

современного реципиента (особенно студента) многие коды соцреализма незнакомы, не активны.

На барельефе справа и слева изображены мужчина и женщина как равноправные представители рабочего класса-мессии. В нижней части барельефа изображены циркуль, разные виды линейки, а под фигурой женщины – микроскоп, цветы. «Вещный» мир указывает на прикладные и фундаментальные науки (архитектура, биология и т.д.).

Синтагма «микроскоп – цветы» связана с контекстом функционирования барельефа, поскольку рядом со зданием гуманитарного факультета находится биологический факультет. Потенциальными реципиентами барельефа являются и студенты, и преподаватели биологического факультета, хотя он не виден от центрального входа в здание факультета.

По центру барельефа представлены книга и женщина, а также солнечная система. Семантическая связь солнца и женщины, олицетворяющей науку, с акцентировкой женских половых признаков, придаёт барельефу визуальную теплоту, эротический подтекст, хотя мужеподобная эротичность одновременно «нейтрализуется» её маскулинными руками и ярко выраженным кадыком. Руки женщины-науки функционируют одновременно как метафора науки. Иными словами, наука-женщина со своими сильными руками готова принять в свои объятия любого.

«Противоречивые» маскулинно-фемининные детали тела на прагматическом уровне для реципиента становятся причинами амбивалентного восприятия барельефа, чтобы взгляд останавливался на женских деталях и в то же время внимание рассеивалось. Эротизм в барельефе функционирует на уровне частичной наготы мужского и женского тел.

Они на барельефе смоделированы на основе бинарной оппозиции «мужское vs женское» (мускулы vs грудь).

На барельефе акцентируется также «плодовитость» науки. Эта идея передаётся несколькими сегментами, деталями, такими как пшеница под рукой мужчины, яблоко в руке женщины. Ключевым на барельефе является также бесконечность науки, которая выражена кругообразными декорациями на коленях женщины и на теле несущегося в сторону женщины-науки орлёнка. Последнего можно интерпретировать двояко: или как человеческую волю, влекущую в сторону матери-науки, или как олицетворение духа науки, летящей в будущее – слева направо. Такая интерпретация легитимна в тех обществах, которые пишут слева направо.

Барельеф выдержан в правилах философии соцреализма, так как он передаёт дух советской эпохи, оптимизм по поводу исторического будущего. Иначе говоря, здесь мы наблюдаем визуальное моделирование коммунистического будущего на основе научных изобретений, научных революций. Язык соцреализма, идеологические коды и общие принципы построения подобных визуальных артефактов можно увидеть на огромном пространстве стран бывшего «социалистического лагеря», от Еревана до Берлина, где для зрителя чётко вырисовывается дидактический и одновременно утопический код идеологии коммунизма – «светлое будущее человечества». Сказанное можно проаргументировать на примере мозаики Вальтера Вомачки «Наша жизнь» (Unser Leben, 1964) (Ил. 11).

Ил. 11. Вальтер Вомачка. Наша жизнь, 1964. Фото: Кордия Шлегельмилх. Источник: <https://www.museum-der-1000-orte.de/kunstwerke/kunstwerk/unser-leben>

Как видно из проведённого выше анализа, соцреалистический барельеф, по сути, является социальной рекламой для последующих поколений, как идеализированный конструкт построения социалистического строя и продвижения «незавершённого проекта» модерна (Ю. Хабермас). Иначе формулируя сущность сказанного, можно утверждать, что барельеф сам по себе становится каналом пропаганды, а на нынешнем этапе в контексте городского пространства ЕГУ функционирует как «безмолвный» знак ушедшей в прошлое советской эпохи.

Заключение

Таким образом, можно заключить, что центральное пространство Ереванского государственного университета семиотизировано различными скульптурами, памятниками, барельефами и т.д. Все семиотизированные артефакты, фигуры и изображения являются знаками социальной и культурной памяти, отсылающие к разным культурным пластам – от средневековья до советской эпохи. «Начало» университетского пространства маркируется ключевыми фигурами армянской письменности как культурными константами интерьерного и экстерьерного пространства ЕГУ.

Эмпирический материал показал, что объектами визуализации становятся в основном видные деятели армянской средневековой университетской традиции. Изображённые фигуры отсылают к прошлому, тем самым на прагматическом уровне указывая на древность армянского алфавита и глубокие корни армянской схоластической университетской традиции.

Университетское семиотическое пространство также предоставляет своему реципиенту возможность войти в диалог с культурным прошлым на уровне определения времени по солнечным часам, что по сути становится ещё одной отсылкой к богатой армянской средневековой традиции.

Кроме средневековых деятелей культуры, в университетском пространстве представлены также видные деятели новой и новейшей армянской литературы (Абовян, Налбандян, Туманян, Чаренц), сыгравшие важную роль в становлении общественной и литературной жизни, приведшие к европеизации армянской литературы, а также к парадигматическим культурным переходам.

Университетское пространство становится также пространством презентации разных исторических эпох, не только христианского средневековья, но и более древнего периода Урартского царства. Анализ эмпирического материала также показал, что диапазон исторических артефактов включает и советскую эпоху (соцреализм). Детальный анализ барельефа соцреализма показал, что он является культурным атавизмом советской эпохи, пропагандистской визуализацией советской тоталитарной идеологии, которая не прочитывается в таком качестве современным реципиентом, поскольку коды соцреализма сегодня знакомы только узкому кругу специалистов.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ИНТЕРЬЕРНЫЙ «ЦЕНТР» И ЭКСТЕРЬЕРНАЯ «ПЕРИФЕРИЯ» УНИВЕРСИТЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В данной части будет рассматриваться процесс семиотизации городского, университетского пространства, выявим оппозицию «природное-культурное» как продукт социальной и культурной памяти в семиотическом и аксиологическом планах. Кроме того, попытаемся описать университетское пространство Ереванского государственного университета как презентацию национального мышления и памяти.

Фойе центрального корпуса ЕГУ

Фойе центрального здания покрыто мраморной плиткой, а на мраморных постаментах стоят бронзовые бюсты первых руководителей ЕГУ, известных профессоров и деятелей культуры, установленные накануне 50-летия университета (Ил. 12).

Ил. 12. Фойе центрального корпуса ЕГУ.

Фото: Тигран Симян, 2019

Среди них можно увидеть бюсты историков Лео (Аракел Бабаханян) (1860–1932), Акопа Манандяна (1873–1952), литературоведа Манука Абеяна (1865–1944), лингвиста Грачьи Ачаряна (1876–1953) и др. Позже были установлены бюсты известного критика и общественного деятеля Никола Агбаляна (1875–1947), астрофизика Виктора Амбарцумяна (1908–1996), лингвистов Эдуарда Агаяна (1913–1991), Геворка Джаукяна (1920–2002) и др. [Симонян, 2018, с. 79].

Продолжением аллеи бюстов центрального здания ЕГУ можно считать фойе корпуса армянской филологии (Ил. 7), где на первом и втором этажах размещены бюсты литературоведов академиков Арсена Тертеряна (1882–1953), Эдуарда Джрбашяна (1923–1999), Грачьи Тамразяна (1926–2001), лингвистов профессоров Гургена Севака (1904–1980) и Оганеса Барсеяна (1920–2004). Эти бюсты были установлены на

средства близких и родных умерших ученых с согласия руководства университета¹⁵.

Все бюсты известных армянских ученых и писателей можно «прочитать» с «обратной перспективы» (П. Флоренский). Для реципиентов – студентов и гостей университета – они должны стать поводом для знакомства с творчеством и научным наследием этих деятелей.

Верхние этажи центрального корпуса ЕГУ: ректорат, музей

В центральном здании размещаются ректорат со всеми отделами, библиотека¹⁶ и музей университета. На самом верху центрального здания располагаются управленческие подразделения (четвертый, пятый этажи) и музей университета (шестой этаж). Здание библиотеки было построено в 1994 г. как продолжение центрального корпуса¹⁷. Таким образом, можно заключить, что в центральном здании ЕГУ сконцентрирован культурный, символический (власть) капитал университета, а также культурная и транснациональная память (музей, библиотека).

¹⁵ Автор благодарит за предоставленную информацию декана факультета армянской филологии, профессора Арцруна Авагяна.

¹⁶ О деятельности библиотеки ЕГУ в советскую эпоху см. [Аракелян, 1979, с. 229–236].

¹⁷ В 1997 г. библиотеку переименовали в честь Саргиса Измиряна и Мари Измирян, родителей швейцарского благотворителя армянина Тиграна Измиряна, который в 1995 г. перечислил 1 млн долларов США на модернизацию библиотеки [Азатян, 2009, с. 144].

Функция университетского музея

Современные музеи являются визуальными пространствами и генераторами формирования культурной памяти для воспитания подрастающего поколения, формирования адекватного отношения к научным центрам, университетам как национальной ценности.

Культурные пространства (музеи, библиотеки), по сути, выступают связующими звеньями, благодаря которым встречаются как минимум три поколения: профессура, молодые ученые (аспиранты, докторанты) и студенты бакалавриата и магистратуры. В этом контексте необходимо определить, что хочет представить в университетских музеях старшее поколение, что для него *важно* и что *не следует забывать* среднему и младшему поколениям.

До сих пор актуальны идеи Ю.М. Лотмана о функции университета: «Чему же учатся люди? Люди учатся Знанию, люди учатся Памяти, люди учатся Совести. Это три предмета, которые необходимы в любой Школе и которые вобрало в себя искусство. Искусство – это, по сути своей, Книга Памяти и Совести. Нам надо только научиться читать эту Книгу» [Лотман, 2005, с. 167]. Если перевести сказанное на другой семиотический язык, то университетское пространство должно передавать следующим поколениям научные открытия (Знание), социальные и культурные ценности (Память) и этические устои (Совесть).

Именно в гармоничном соотношении этих трех китов можно воспитать полноценного человека, интеллектуально и социально ответственного родителя, учителя, ученого, гражданина¹⁸.

¹⁸ О функциях музеев и принципах их анализа см. [Степанян, 2012, с. 78–87].

Проект музея ЕГУ возник в 1960 г., но предложение о его создании поступило еще в 1957 г. от преподавателя ЕГУ юриста Григора Чубаряна [Симонян, 2018, с. 226].

На современном этапе в музее представлены следующие экспозиции и тематические блоки:

1) история становления университета (документация об основании ЕГУ и его структур (факультетов), фотографии первых зданий университета, мебель кабинета первого ректора (Ил. 13), портреты основателей университета, профессоров, стоявших у истоков университета, первый компьютер университета, каменные породы – вся цветовая палитра туфа как основного стройматериала армянской архитектуры);

Ил. 13. Предметы кабинета ректора. Фото:
Тигран Симян, 2019

2) реконструкция аудиторного интерьера советской эпохи (Ил. 14);

Ил. 14 Аудиторный интерьер советской эпохи.

Фото: Тигран Симян, 2019

3) репрессии среди студентов и преподавателей ЕГУ;

4) Великая Отечественная война, Первая Карабахская (Арцахская) война (списки участников войн, солдатские реликвии, награды, ордена, медали, дипломы, боевые ремни, кепки, студенческие билеты погибших; среди всего прочего можно увидеть военный трофей – бутылку вина из Агдама, а также визуализацию с изображениями участников Карабахской войны 2016 г.);

5) геноцид (книги о геноциде армян, буклеты, афиши мероприятий и конференций, посвященных коммеморации и исследованию проблемы геноцида);

6) студенчество (мантия магистра с вышивкой в виде национального флага);

7) символика ЕГУ (флаг и герб университета, фотография первого директора – основателя музея ЕГУ профессора Людвига Гарибджяна (1922-2011));

8) археологический блок (артефакты древнейших эпох каменного, бронзового, железного веков, раннего Средневековья и т.д.);

9) подарки университету (сувениры, привезенные высокопоставленными лицами, гостями университета: вазы, картины, часы, медали, ковры и т.д.) (Ил. 15)¹⁹.

Ил. 15. Зал подарков музея ЕГУ. Фото: Тигран Симян, 2019

¹⁹ Подробно об истории основания музея и его социальной и научной функции см. [Симонян, 2018, с. 226–231].

Указанные тематические блоки служат «лабораторией» для студентов исторического факультета, а также презентуют культурную и социальную память. Представленные события становятся важными маркерами социальной коллективной памяти, которые должны передаваться последующим поколениям. Некоторые из них проявляются и в экстерьере университетского пространства.

Тема и визуализация Геноцида армян в экстерьерном университетском пространстве: Аллея благодарности

Следует упомянуть о важном памятнике, открытом в честь 100-летия жертв геноцида армян 1915 г. В советское время тема и дискурс геноцида актуализировались после XX съезда КПСС, затем – после издания в 1965 г. романа Франца Верфеля (1890–1945) «Сорок дней Муса-Даги» (1933) (тираж книги составил 1 млн экземпляров) и организации 20 апреля в 1965 г. конференции в ЕГУ, посвященной 50-летию геноцида армян. Все эти события стали началом активизации социальной памяти о геноциде армян и формирования соответствующего письменного и визуального дискурса в Армянской ССР.

Визуализацию темы геноцида можно заметить не только в музее ЕГУ, но и на территории университета. Во дворе шестого здания 21 апреля 2015 г. был воздвигнут 7-метровый памятник в честь 100-летия Геноцида армян – расцветший камень в форме креста-посоха (скульптор – Камсар Варданян) (См. Ил. 31). Памятник был создан по инициативе декана теологического факультета епископа Анушавана Жамкочяна по благословлению Католикоса всех

армян Гарегина II на пожертвование мецената Грачи Погосяна, о чем указывается на оборотной стороне памятника²⁰.

Перед центральным зданием 29 апреля в 2015 г. была открыта Аллея благодарности. Здесь справа и слева установлены бюсты известных деятелей культуры и искусства, сыгравших важную роль в формировании дискурса о геноциде армян на Западе, в их числе Фритьоф Нансен (Норвегия), Иоанн Лепсиус (Германия), Карен Яппе (Дания), Генри Моргентау (США), Франц Верфель (Австрия), Анатоль Франс (Франция), Рафаэль Лемпкин (Польша), Джеймс Брайс (Великобритания), Пьер Кияри (Франция), Якоб Кюнцлер (Швейцария), которые оказали помощь беженцам и рассказали о первом геноциде XX в (Ил. 16).

Ил. 16. Аллея благодарности. Фото: Тигран Симян, 2019

²⁰ Об этом подробно будет говориться в следующей главе.

Эта аллея на территории ЕГУ – знак благодарности всем людям, протянувшим руку помощи армянскому народу в трагедии начала XX в. [Симонян, 2018, с. 88-89]. Кроме того, Аллея благодарности – повод задуматься об альтруизме, неприемлемости геноцида как такового в любом виде и масштабе.

Исторические маркеры университетского пространства

Память о Великой Отечественной войне. В университетском пространстве можно увидеть памятник из гранита с засохшим листочком из меди и живым источником, установленный 8 мая 1979 г. в память о 300 сотрудниках и студентах университета, погибших в Великой Отечественной войне. Из 850 участников, более 500 были преподавателями [Симонян, 2018, с. 72; Енгоян, 1975, с. 3, 37]. Рядом с засохшим листочком на армянском языке написано: «Вечная память университетским героям, погибшим в 1941-1945 гг. в Великой Отечественной войне» (Ил. 17).

Ил. 17. Мемориал
Великой Отечественной
войны. Фото: Тигран
Симян, 2019

Авторы юбилейного издания «Из истории ЕГУ» отмечают, что засохший листочек на пятиметровой гранитной плите символизирует молодых погибших, а живой источник – жизнь и бессмертие [Симонян, 2018, с. 73].

Конечно, идея бессмертия передается и самой гранитной плитой, так как эта магматическая горная порода является одной из самых плотных, твердых и прочных. С обратной стороны плиты можно увидеть цветок – знак памяти о погибших.

Кроме того, с боковых сторон высечены полукруглые проемы, напоминающие детали средневековой церковной архитектуры, куда можно ставить свечи, которые особенно красиво смотрятся в темное время суток (Ил. 18).

Ил. 18. Мемориал ВОВ
с обратной стороны.
Фото: Тигран Симян,
2019

Данный памятник является идеологической конструкцией. Если бы не было дополнительной информации, то кусок меди на фронтальной части плиты не идентифицировался бы как высохший листочек, олицетворяющий судьбы погибших в Великой Отечественной войне, хотя в нем угадывается крест.

Именно поэтому можно отметить, что мемориальная плита говорит больше идеями, чем языком скульптуры, пластики, изобразительных приемов.

Мемориальный крест-камень (хачкар). Перед зданием гуманитарных факультетов 27 мая 1996 г. был уставлен хачкар в честь всех погибших научных работников и студентов ЕГУ, участвовавших с 1988 г. в Карабахской войне (Ил. 19)²¹.

Ил. 19. Мемориальный крест-хачкар.
Фото: Тигран Симян, 2019.

²¹ Список участников в Карабахской войне см.: [Симонян, 2018, с. 93].

Хачкар был установлен за счет средств студенческого профсоюза и отдельных меценатов. По сути, это классический хачкар, высеченный на армянском желто-красном туфе, который олицетворяет память обо всех погибших в 1988-1996 гг. Идея вечности и символа жизни, заключающаяся в круговых фигурах снизу и сверху креста, противопоставляется гранатам²².

Как отмечает Н. Саркисян, «горечь кожуры (граната. – Т. С.) символизирует Ветхий Завет, сладость зерен – Новый Завет и Церковь; горькая кожура, заключающая в себе множество семян граната, – это горькие притчи пророков, несущие сладость Благой Вести; горечь угроз, пленений и бед, которыми кормили язычников, противопоставляется сладкому плоду всех перенесенных испытаний, обретенному в Церкви; жизнь праведников, полная горечи и испытаний, несет в себе сладость плода бессмертия, обретенного после воскресения» [Степанян, 2008. с. 224].

Но, пожалуй, скульптор не руководствовался этими знаниями при создании хачкара и хачкара-посоха, а исходил из современного визуального дискурса. Конечно, немаловажное значение в «пангранатизации» сыграл фильм С. Параджанова «Цвет граната» (1968). Особенно в постсоветское время в городском пространстве часто в рекламных целях гранат использовался как один из символов армянской идентичности. Но эти примеры показывают профанную, а не сакральную семантику граната.

Расцветающий крест – символ Воскрешения Христа – высечен по канону Армянской апостольской церкви. Эта идея проецируется на всех крестах погибших в Карабахской

²² Об истории символики граната в армянской архитектуре и изобразительном искусстве см. [Степанян, 2008, с. 210–229].

войне. В честь погибших в ЕГУ Юры Ованисяна, Самвела Геворкяна, Артура Мкртчяна были названы аудитории [Симонян, 2018, с. 109], что также является маркером социальной памяти.

Возобновленная 1–2 апреля 2016 г. война в Нагорном Карабахе по официальным данным унесла жизни более 100 солдат и офицеров²³. Погибшие герои были увековечены и в университетском пространстве.

Пешеходные врата университета и Карабахская война 2016 г.

При трех пешеходных вратах ЕГУ можно увидеть граффити с изображениями героев, погибших в Карабахской войне 2016 г. Последними²⁴ «героями нашего времени» стали капитан Арменак Урфанян, который погиб во время интенсивного обстрела противника в направлении Мартакерта и 28 мая 2016 г. посмертно был награжден орденом Боевого креста I степени. Его боевыми товарищами являлись также спасители Мартакерта – Кярам Слойан, Андраник Зограбян [Капитан Арменак Урфанян, 2018, on-line] и др.

Врата – подземный переход (слева от центрального здания ЕГУ). Перед входом в подземный переход (рядом с геологическим факультетом) на стене изображен Роберт Абад-

²³ Подробно о помощи университета правительству Карабаха и армии см. [Симонян, 2018, с. 109–112].

²⁴ К нашей глубокой скорби пока оформлялась эта книга началась и закончилась Вторая Карабахская война 2020 г. (27 сентября по 10 ноября). И наши последние герои, к сожалению, стали предпоследними. Именно поэтому эта книга посвящена всем павшим во Второй Карабахской войне 2020 г.

жян, а внизу приводится надпись: «До последнего момента не оставил пост. Не оставляй свою Родину» (Ил. 20). Роберт Абаджян тоже был одним из спасителей Мартакерта.

Ил. 20. Роберт Абаджян
Фото: Тигран Симян, 2019.

Ил. 21. Беньямин Егоян.
Фото: Сергей Аванесов, 2019.

Врата со стороны ул. Алека Манукяна (справа от центрального здания ЕГУ). На граффити изображен танкист Беньямин Егоян, ниже следует надпись: «Его оружием был танк. Твое оружие – знание» (Ил. 21).

Врата со стороны ул. Егише Чаренца²⁵. На стене здания гуманитарных факультетов изображен Арменак Урфанян и

²⁵ Вход на территорию университета между зданием гуманитарных наук и биологического факультета ЕГУ.

приводится следующий текст: «Его миссия была защищать. Твоя миссия – учиться...» (ил. 22).

Как видно по текстам и выбранным героям, все граффити нарисованы не «снизу», от народа, а заказаны «сверху»: в них заложено двойное кодирование, заранее обговоренное с руководством университета.

Ил. 22. Арменак Урфаян.
Фото Тигран Симян

О чем говорят эти граффити? Погибшие были визуализированы и зафиксированы в университетском пространстве как герои своего поколения. Они стали примером боевой храбрости. На прагматическом уровне граффити прочитываются как средство пропаганды ценностей: молодежь должна знать и помнить героев. Напоминание становится

этическим актом и одновременно частью социальной памяти. Надписи под граффити являются социальными посланиями, от социальных институтов (ЕГУ, Министерство обороны Республики Армении и т.д.), чтобы последующие поколения «защищали, а не предавали и не оставляли родину, пост, танк». Иными словами, молодое поколение должно усвоить высокие этические нормы и проявлением «мягкой силы» (soft power).

Но, кроме этих норм, оно еще должно помнить об учебе, ведь для студента это «миссия» и «оружие». Как писал Ф. Бекон: «Знание – сила».

Факультетские маркеры университетского пространства

Кроме национальных, социальных и исторических маркеров памяти, в университетском пространстве можно увидеть, условно говоря, «факультетские» маркеры. Это не значит, что они лишены культурной, исторической и транснациональной нагрузки. За центральным корпусом ЕГУ, рядом со зданиями биологического и гуманитарных факультетов можно увидеть два интересных маркера памяти.

Один из них – бюст востоко- и кавказоведа, академика и первого президента Академии наук Армянской ССР (1943-1947) Иосифа Орбели (1887-1961) (Ил. 23); другой – скульптура молекуле жизни – ДНК рядом с биологическим факультетом (Ил. 24).

Ил. 23. Бюст Иосифа Орбели

Как отмечается на информационном баннере к скульптуре, ДНК – самое важное открытие XX в., так как эта молекула обеспечивает сохранение и передачу всей наследственной информации живых организмов от поколения к поколению.

Следует обратить внимание на то, что это единственная транснациональная скульптура университетского пространства ЕГУ, посвященная основе человечества, биологической памяти.

Ил. 24. Скульптура ДНК в ЕГУ

Интересно, что первая скульптура ДНК была установлена в Великобритании, во дворе Клэр-колледжа Кембриджского университета: ее подарил Джеймс Уотсон в 1953 г. в память о совместном с Фрэнсисом Криком открытии.

Это не единственная скульптура ДНК в университетском и городском пространстве. В конце 1960-х гг. от стелы, посвященной молекуле ДНК, отказался Зеленоград, и в 2010 г. она попала в Воронеж, где жители города стали называть ее «штопор», «спирохета», «молекула ДНК» (ил. 25).

Ил. 25.
Скульптура
ДНК в
Воронеже

Эта скульптура стала символом института радиотехники и радиоэлектроники, на ней написано: «Слава советской науке» [Хорольская, on-line]. Как следует из надписи, стела на кольцевой развязке улиц Мира, Феоктистова и Энгельса использовалась как средство пропаганды советской науки, т.е. великое открытие Запада приписывалось Советскому Союзу.

Семантическая нагрузка символа ДНК создается благодаря контексту идеологизированных названий улиц Фридриха Энгельса, летчика-космонавта Константина Феоктистова (1926-2009) и проспекта Мира. Варианты прочитывания перекрестка и скульптуры ДНК зависят от «читателя» городского пространства, от того, как жонглируются имена улиц, текст на скульптуре и ее профанное и официальное названия (штопор *vs* молекула ДНК).

В России можно увидеть также скульптуру мышцы, вяжущей нить ДНК (художник – Андрей Харкевич, скульптор – Алексей Агриколянский, 2015) (Ил. 26), расположенную за Институтом цитологии и генетики Сибирского отделения РАН в Академгородке Новосибирска. Она раскрывает научные реалии открытия ДНК. Так, 70-сантиметровая бронзовая скульптура-мышка установлена на гранитном постаменте высотой 2,5 м и вяжет так называемую левозакрученную Z-форму ДНК [Международный день ДНК, on-line].

Ил. 26. Скульптура мыши, вяжущей нить ДНК, в Новосибирске.
Источник. <https://kudago.com/nsk/place/pamyatnik-laboratornoj-myshi/>

Задумчивая мышка отсылает также к подопытным мышам, благодаря которым научное сообщество открыло молекулу жизни и продолжает изучать гены, молекулярные и физические механизмы заболеваний, разрабатывать новые медикаменты [«Мышь, вяжущая ДНК», on-line].

Конечно, скульптура ДНК в университетском пространстве ЕГУ лишена политического подтекста и игривости, свойственных скульптуре мышки из Академгородка. Ереванскую скульптуру ДНК можно рассматривать не только как отдельный сегмент университетского пространства. Вкупе с другими семиотизированными компонентами (па-

мятник погибшим в Великой Отечественной и Карабахской войнах, Аллея благодарности) скульптура ДНК обретает новые коннотативные смыслы: молекула жизни помнит все. Она имеет жизнеутверждающий смысл, и на этой базе для последующих поколений создается все остальное, от человека до культурной «надстройки».

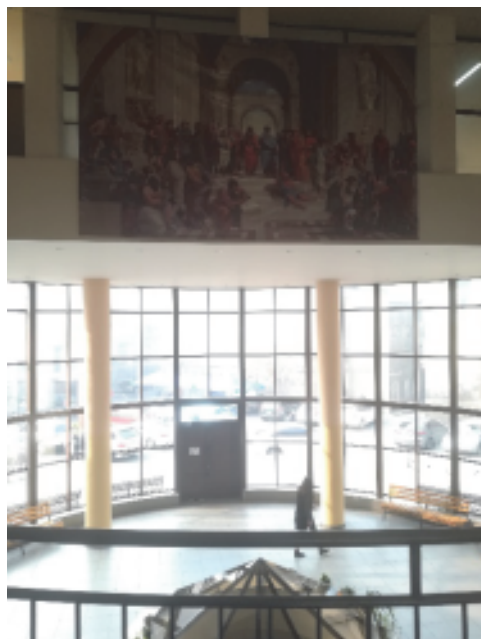
Иными словами, это единственный жизнеутверждающий артефакт, знак биофилии на университетском пространстве, который противопоставлен всем остальным маркерам памяти, указывающим на историческую трагедию армянского народа (биофилия *vs* некрофилия)²⁶. Если рассматривать экстерьер университетского пространства в указанной оппозиции, то выявляется содержание коллективного подсознательного: это незакрытый гештальт, незаживающая рана, которая, к нашему сожалению, была снова открыта во время 44-дневной Второй Карабахской войны 2020 г.

Философский факультет: репродукции армянской миниатюры

На третьем этаже здания филологического корпуса находится факультет философии и психологии. В фойе факультета можно увидеть две репродукции из армянской миниатюры: одно граффити и репродукция-панно на кленке «Афинской школы» Рафаэля (1511) (Ил. 27)²⁷.

²⁶ Подробно эта проблема освещается в работе Э. Фромма «Анатомия человеческой деструктивности» [Фромм, 2012].

²⁷ Все визуальные артефакты философского факультета были заказаны к 50-летию факультета.

Ил. 27. Рафаэль Афинская академия. Корпус филологического факультета ЕГУ. Фото: Тигран Симян, 2019

На первом изображен армянский поэт, мистик X в. Григор Нарекаци. Неспроста выбран Григор Нарекаци в визуальном пространстве философского факультета, поскольку в армянской средневековой традиции его книга «Песнопений» имела терапевтическое воздействие. С «психологией» и с философией (онтология, метафизика) соприкасается не только Григор Нарекаци, но и армянский философ Давид Непобедимый (V в., рукопись 1280 г.). Поэтому там висит и его репродукция миниатюры в увеличенном размере.

Кроме визуализации армянского материала, между вторым и третьим этажами на стене можно увидеть символ

факультета граффити Да Винчи «Витрувианский человек» (ок. 1490-1492). По словам декана философского факультета Алексана Багдасаряна, репродукция была сделана студенткой факультета в течение месяца. С прагматической точки зрения, нам кажется, правильно было выбрано место граффити, поскольку реципиент, поднимаясь по лестнице, сразу оказывается в интимном пространстве с гениальной работой.

Работа Да Винчи в интерьерном пространстве университета становится «гибридным» произведением, адресованным будущим философам и психологам, поскольку человек является объектом и для философии, и для психологии²⁸. Кроме того, произведение Да Винчи должно стать поводом к размышлению, «учебником» пропорций (математики) и искусства (симметрии, гармонии). Следует не забывать, что в «Витрувианском человеке» прочитывается архетипический символ – крест.

В семиотическом плане интересна панно-репродукция «Афинской школы» Рафаэля, которая видна для всех реципиентов второго (филологического) и третьего (философского) этажей. Сама картина отсылает к IV в. до Р. Х. к академии Платона. В нашем контексте университетское интерьерное пространство становится пространством академии, науки. Студент в этом пространстве раскрывает новые знания о человеке, обществе и т.д. (литература, философия, психология), и он всегда должен помнить ключевое послание академии: «не геометр да не войдет!».

²⁸ Заметим также, что в одной из аудиторий, предназначенной для первокурсников, представлены портреты классиков психологии (Алексан Багдасарян). По сути, выборка портретов является «списком» литературы для первокурсников-психологов.

Иными словами, панно Рафаэля на прагматическом уровне говорит, что студенты свои годы должны тратить на учебу, науку, структурировать время целесообразно. Если реципиент будет детально рассматривать картину Рафаэля и проецировать ее на себя, то ему следует проводить студенческие годы активно; участвовать в диспутах, размышлениях и фиксации мысли и т.д.

Заключение

Таким образом, фойе университета представляет масштитых ученых, столпов армянской фундаментальной науки. Центральная часть университета маркирована как центр власти, носитель культурной и наднациональной памяти (библиотека, музей). Библиотека отражает историю университета, а также наиболее важные драматические события в истории армянского народа. Тема геноцида армян во время Первой мировой войны представлена не только в интерьере, но и в экстерьерном пространстве университета (Аллея благодарности), которое отражает и другие важные события национального и наднационального масштаба (Великая Отечественная война, Карабахская война 1990-х гг. и 2016 г.). В свою очередь, факультетские маркеры типологизируются по принципу национального (бюст Орбели) и наднационального (памятник ДНК). Центральное пространство университета становится местом встречи социальной, культурной, национальной и цивилизационной памяти.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ВИЗУАЛИЗАЦИЯ ХРИСТИАНСКИХ ЦЕННОСТЕЙ В УНИВЕРСИТЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Цель данной главы – описать в семиотическом ключе интерьерное и экстерьерное пространство теологического факультета как фокализованной части всего университетского пространства. Главный тезис третьей части – семиотизация университетского пространства и маркирование религиозно-культурными артефактами становится предпосылкой для визуальной презентации, дидактизации культурного, христианского наследия, имплицитной проповеди церковного учения.

Экстерьерные и интерьерные хачкары богословского факультета

На постсоветском пространстве ЕГУ является единственным вузом, имеющим теологический факультет. В 1995 году, благодаря финансовому и символическому капиталу архиепископа Шаге Ачемяна, был основан факультет с двумя кафедрами (кафедра теологии, кафедра теории и истории религии).

Позднее была основана ещё одна кафедра – истории Армянской церкви и учения церкви. Кроме того, факультет имеет свою библиотеку в честь основателя факультета, где хранятся также книги самого владыки. Научная продукция факультета (монографии, кандидатские и докторские диссертации) издаётся в серии научных трудов «Ачемян» и в ежегоднике «Армянский теолог».

После кончины основателя факультета в 2005 г. деканом стал епископ Анушаван Жамкочян; с 2007 г. он же является директором благотворительного фонда «Ачемян». Именно за годы деканства епископа Анушавана в университетском интерьере и экстерьере появились армянские христианские символы: кресты-камни (хачкары), кресты-посохи, барельефы и т.д., отсылающие к предыстории и истории основания факультета.

«Факультетским» маркером истории университета и культурной памяти можно считать хачкар перед шестым корпусом (в народе известным как «чёрный») исторического и богословского факультетов ЕГУ на ул. Абовяна, 52 (Ил. 28). Камень-крест был установлен в честь открытия факультета теологии 1 сентября 1995 г., иными словами, он маркирует и акцентирует «начало» истории факультета и имя основателя. Сам факт установки хачкара является знаком благодарности будущих поколений студентов основателю факультета.

Ил. 28. Ереван. Хачкар перед зданием богословского факультета.
Фото: Тигран Симян, 2019.

Тема вечности на хачкаре символизируется изображением креста, пробивающегося из семени (круг под крестом). Семя-круг символизирует и духовное, и земное начало, из которого вырастает крест – символ спасения, которое видно на «ясном небе» хачкара. «Ясное небо» прочитывается благодаря шестиконечным звездочкам на фактуре хачкара²⁹. В таком контексте синтагма семя – крест – небо прочитывается также в расширенном ключе. Первый сегмент семя-круг «расширяется» и начинает функционировать как круг-земля, из которого произрастает крест как символ спасения, преподнесённый нам через врата-своды (потустороннее vs посюстороннее). Благодаря арке на хачкаре, к двойному измерению (ширина, высота) добавляется третье, т.е. «внутренняя перспектива», смоделированная с помощью двух оппозиций: потустороннее vs посюстороннее, снаружи vs внутрь.

²⁹ За эту ремарку автор благодарит историка, кандидата исторических наук Давида Мелконяна.

Ил. 29. Изображение винограда и гранатов на южном портале кафоликона в Гегарде, 1215.

Источник: <https://www.trover.com/d/2RgXF-geghard-monastery-ararat-armenia>.

Визуальный текст хачкара, поставленного перед «чёрным» зданием, содержит также сюжет, согласно которому из семени-круга вырастают также фрукты – символы армянскости (гроздья винограда и гранаты), высеченные в тернарной оппозиции по вертикали, и в бинарной – по горизонтали. Они функционируют как эстетические знаки в симметричном расположении на двухсторонних «ветвях» креста как Древа Жизни. Заметим, что гранат с IV по VII вв. в средневековой Армении был под запретом, и только после его реабилитации в VII в., когда на Храме Бдящих Сил (Звартноц) он возродился, мотивы граната «вышли из подполья» [Степанян 2008, 217].

Такой мотив мы можем наблюдать, к примеру, в оформлении тимпана южного входа кафедрального собора Гегард (Ил. 29). Подобная оппозиция граната с виноградными лозами в нынешнее время на хачкарах встречается часто, как ключевой символ армянскости³⁰. Как нам кажется, вырезанные на ветвях креста орлы придают «натуральность», живость изображённым духовным реалиям. В то же время они могут иметь и другой семантический смысл: бдящие орлы, в потенциале, могут быть связаны с семантическим «верхом» и с духовной властью.

Символы армянской самости – собор Св. Эчмиадзина, исходящий от купола божественный свет, гора Арарат – можно увидеть на доспехе орла, изображённого внизу. Изображение щита является, по сути, ещё одной ценностью защиты армянской идентичности от внешних вызовов. Эта тема представлена также на одном из барельефов на первом этаже теологического факультета (Ил. 30).

³⁰ Среди культурных артефактов университетского пространства можно увидеть эту оппозицию на хачкаре-посохе между шестым и восьмым корпусами ЕГУ. Об этом будет говориться далее.

Ил. 30. Барельеф Араратская долина. Фото автора, 2019

На барельефе «Страна Солнца» (ԵՂՉԻՂ ԱՌԵՉԻ) помещены те же символы-мотивы в синтагме: солнце / божественный свет – благодать – гора Арарат – церковь, взятые под защиту со всех сторон орлами-защитниками «Страны Солнца». Сила орлов связана с христианством, поскольку на всех орлах изображены равносторонние (или так называемые *лучезарные*) кресты.

Заметим также, что символическая «Страна Солнца» пространственно локализована. Из визуального сюжета-рамки и фруктов (виноград vs гранат, гранаты снизу) прочитывается узнаваемая местность – Араратская долина, представленная как плодородная почва (круглые семена,

урожай граната). Как известно, на Араратской долине не растёт гранат; именно поэтому барельеф, смоделированный таким образом, следует воспринимать как «сжатый» текст³¹, как символический знак армянской идентичности.

Вернёмся к тексту экстерьерного хачкара перед шестым корпусом ЕГУ. В послании, находящемся в когтях орла, сообщается, что хачкар был установлен на средства благотворительного фонда «Феникс» по благословлению католика всех армян Гарегина II в честь 15-летней годовщины основания теологического факультета. Здесь же даётся благословение факультету, а также всем преподающим теологию и армяноведение во благо народу и в знак любви к церкви: «Бог Всемиловитый, ниспошли Своё благословление на благодетелей и сохрани ярко горящим духовный очаг Апостольской церкви и по всему миру рассеянный армянский народ». Текст под хачкаром тематически можно разбить на две части. Первая часть – информативная, стилизованная под летописный текст, а вторая – благословение-молитва. Иными словами, в одном тексте выявляются как минимум два речевых жанра.

От содержания текста перейдём к орлу. Можно задать вопросом: что или кого олицетворяет орёл? Кто является адресантом послания? Нам кажется, что в данном контексте орёл является метафорой скрытого отправителя. Почему он скрыт? Представляется, что адресант преднамеренно не обозначен, поскольку в логике христианского мышления важно само послание, а не тот, кто его отправляет (произносит). С христианской точки зрения, источник / автор текста не важен; однако в ракурсе теории коммуни-

³¹ Об армянских «сжатых» текстах см. подробнее: Абрамян, Мелкумян 2012, 48–65.

кации для понимания послания выявление источника / автора играет существенную роль.

Судя по выбору кода (древнеармянский язык) можно заключить, что источником / автором данного послания, как нам кажется, является декан теологического факультета, епископ Анушаван Жамкочян, который, следуя традиции средневековых скрипторов, скрывает своё авторство, хотя его имя косвенно упоминается в послании. Если предположим, что источником / автором послания является сам епископ, то орёл становится его метафорой. Подобная интерпретация легитимна ещё и потому, что орёл как символ является олицетворением высшей духовной власти в христианстве. В пользу приемлемости таких рассуждений свидетельствует вторая часть текста-послания, которую мог произнести преимущественно священнослужитель, имеющий высокий духовный сан.

Продолжение духовного пространства на территории университета образовано ещё одним хачкаром, установленным внутри здания теологического факультета, на первом этаже справа от парадной лестницы. Текст на хачкаре информирует, что он был установлен в 2009 г. в честь 90-летия ЕГУ, а также в знак признательности архиепископу Шаге Ачемяну за основание и благословение теологического факультета. Заметим, что в тексте упоминаются и социальный институт, и основатель факультета. По сути, текст отсылает к социально-исторической памяти на двух уровнях: упоминаются и институция, и человек – основатель факультета.

Символика, традиция и функция расцветшего посоха-креста

В 2015 г. интересный монумент был воздвигнут между шестым и восьмым корпусами ЕГУ (Абовяна, 52 и Абовяна, 52 а). В память 100-летия геноцида армян был поставлен расцветший посох-крест – при патриаршестве Гарегина II, католикоса всех армян, по инициативе епископа Анушавана Жамкочяна и благодаря финансированию патриота мецената-благотворителя Грачья Мисабовича Погосяна (Ил. 31).

Ил. 31. Ереван. Посох-крест во дворе богословского факультета.
Фото автора. 2018

Данное сооружение функционирует как визуальное сообщение с двойным кодом. Первый код – мемориал в честь геноцида армян, визуализация этой темы на территории университетского пространства; второй код – продолжение армянской средневековой университетской традиции. Пример сооружения-посоха мы обнаруживаем перед южным входом в собор монастыря Татев (нач. X в.); он был возведён на шарнире и во время сильного ветра раскачивался. Динамичность посоха-креста, в свою очередь, говорила о высоком уровне армянской средневековой архитектуры (ил. 32) [Акопян, Акопян 2015, 800].

Это сооружение (гавазан) было установлено епископом Ованесом в честь основания церкви Павла-Петра (Сурб Погос-Петрос); оно посвящено Св. Троице [Асрацян, Манукян 2002, 994]. Монастырь Татев представлял собой один из важнейших центров средневековой армянской науки и просвещения. В 1373 г. в монастыре был основан университет – крупнейшее высшее учебное заведение средневековой Армении, при котором существовала известная философская школа, а также получила развитие татевская школа миниатюры.

Ил. 32. Татев. Гавазан.

Источник: <https://www.pinterest.de/pin/661044051535245147/>

Внешне татевский и университетский посохи похожи, особенно сходны форма верхней части и постамент-восьмигранник, на котором и возвышается посох-крест. Насчёт восьмигранника можно высказать два предположения. Во-первых, восьмигранник связан с числом «восемь», означающим бесконечность. Отсюда можно вывести, что крест вырастает из восьмигранника как из «вечной основы». Если первая интерпретация – теологическая, то вторая имеет

утилитарное значение, а именно, во-вторых, в восьмиграннике с весны растут цветы, что придаёт бетонно-каменному университетскому пространству *цвет*. Здесь разводятся разноцветные растения (кареопторис, гайлардия и т.д.) и создаётся ощущение, что вместе с ними в оазисе бетонного «ландшафта» возвышается и расцветший посох-крест (Ил. 33).

Ил. 33. Основание посоха-креста. Фото автора. 2019

Почему посохи-кресты татевского монастыря и университетского двора поставлены на восьмигранный постамент? Нам кажется, что в средние века такое сооружение имело функцию часов. Эта версия представляется вполне правдоподобной, поскольку нужно же было монастырскую жизнь структурировать по времени. Как выше было сказано, крест-посох ещё и раскачивался; в связи с этим можно предположить, что он мог играть роль средневекового «сейсмографа». К сожалению, в настоящее время крест не раскачивается, поскольку после сильного землетрясения он был повреждён, а современные мастера не смогли восстановить шарнирную конструкцию сооружения.

Последующие примеры возведения посоха-креста показывают, что эти сооружения начали появляться при высших учебных заведениях в знак продолжения средневековой университетской традиции. Одним из примеров является посох-крест, недавно установленный рядом со зданием семинарии Св. Эчмиадзина (Ил. 34).

На сооружении мы видим архимандритский посох с драконами-змеями, а в центре – расцветший крест. Важно, что на данном сооружении представлены фигуры создателей письменного цивилизационного кода – Месропа Маштоца и Саака Партева; памятник им же установлен и перед зданием главного корпуса ЕГУ.

Этим изображением акцентируется значимость важнейшего события в культурной истории Армении – возникновения письменности как цивилизационного кода армян, что послужило предпосылкой развития и расцвета духовной литературы (агиографии, истории, патристики, теологии, философии и т.д.).

Ил. 34. Эчмиадзин. Посох-крест.
Фото: Сергей Аванесов, 2019

Кроме экстерьерного пространства Св. Эчмиадзина, посохи-кресты можно видеть также в интерьере церкви Грештакац (Հրեշտակաց), в её алтарной части. Эта церковь цилиндрической формы расположена рядом со зданием семинарии. Заметим, что наличие архимандритских посохов в интерьере армянских церквей является нововведением, имеющим, видимо, дидактический характер. Поскольку

основные службы с участием семинаристов проводятся в этой церкви, то здесь активизируется прагматическое назначение названного символа: перед глазами студентов находится визуальная аллегория спасения и мудрости, если интерпретировать это изображение в контексте христианства. Если же посмотреть на него с точки зрения мифопоэтики, мы увидим, что в алтаре выражен архетип Древа Жизни.

Ил. 35. Ереван. Каскад. Фото: Сергей Аванесов, 2019.

Подобный посох-крест, помещённый вне сакрального пространства, расположен рядом с тремя хачкарами на Каскаде в Ереване (Ил. 35). Данный пример, можно сказать, выпадает из христианского семиотического контекста, и потому этот объект функционирует скорее, как крест-оберег, стоящий над городом и охраняющий его. Такая традиция

распространена в католическом культурном ареале. Подобные примеры можно увидеть в Польше, но также и в православной Грузии, при въезде во многие населённые пункты. В России похожая семиотическая программа реализуется как возведение *поклонных* крестов³².

При детальном рассмотрении символики университетского посоха-креста это сооружение раскрывается в многочисленных семантических аллюзиях на Св. Писание и общехристианские ценности, но также функционирует и на прагматическом уровне. На обратной стороне посоха сверху изображен Христос-Искупитель, принимающий всех выходящих из восьмого корпуса ЕГУ (философы, психологи, филологи).

В данном контексте посох-крест функционирует следующим образом: каждого выходящего из здания встречает Иисус Христос, готовый принять его в Свои объятия. Сооружение становится не только памятником жертвам Геноцида армян, но и духовным символом, «говорящим» со своим реципиентом. В нашем контексте Христос на посохе любому присутствующему на территории между шестым и восьмым корпусами ЕГУ «даёт им видеть Себя лицом к лицу» (Чис 14:14)³³; посох-крест становится «облаком, стоящим столпом» (там же; ср.: Втор 1:33; Неем 9:19; Пс 77:14, 104:39).

Какой ещё потенциальный смысл заключает в себе университетский посох-крест? Данная скульптура отсылает к расцветшему жезлу Аарона: «На другой день вошёл Моисей <и Аарон> в скинию откровения, и вот, жезл Ааронов, от дома Левиина, расцвёл, пустил почки, дал цвет и принёс

³² Благодарю за эту информацию Сергея Аванесова.

³³ За эту ссылку на Писание автор выражает благодарность архимандриту Месропу Парсамяну.

миндали» (Чис 17:8). В этом контексте визуализация Христа, четырёх евангелистов и таинств церкви на посохе-кресте ЕГУ становится символом истинной дороги, ведущей к духовному плодородию *в метафорическом смысле*.

Эта семантическая линия плодородного посоха *в прямом смысле* прочитывается в книге Бытия, когда Иаков сажает прутья-посохи «перед скотом в водопойных корытах» для плодovitости³⁴. В данном контексте посох обнаруживает дополнительную коннотацию, приобретая фаллическое значение, хотя данный код и не активен в актуальном университетском пространстве.

Расцветший крест-посох ЕГУ функционирует ещё и в роли *посоха-спасителя*, визуализируя известный библейский сюжет, когда ужаленные змеями сыны Израиля смотрели на медного змея и оставались живыми³⁵. Эту же семанти-

³⁴ «И взял Иаков свежих прутьев тополёвых, миндальных и яворовых, и вырезал на них <Иаков> белые полосы, сняв кору до белизны, которая на прутьях, и положил прутья с нарезкою перед скотом в водопойных корытах, куда скот приходил пить и где, приходя пить, зачинал пред прутьями. И зачинал скот пред прутьями, и рождался скот пёстрый, и с крапинами, и с пятнами. И отделял Иаков ягнят и ставил скот лицом к пёстрому и всему чёрному скоту Лаванову; и держал свои стада особо и не ставил их вместе со скотом Лавана. Каждый раз, когда зачинал скот крепкий, Иаков клал прутья в корытах пред глазами скота, чтобы он зачинал пред прутьями. А когда зачинал скот слабый, тогда он не клал. И доставался слабый скот Лавану, а крепкий Иакову. И сделался этот человек весьма, весьма богатым, и было у него множество мелкого скота <и крупного скота>, и рабынь, и рабов, и верблюдов, и ослов» (Быт 30:37-43).

³⁵ «И послал Господь на народ ядовитых змеев, которые жалили народ, и умерло множество народа из <сынов> Израилевых. И пришёл народ к Моисею и сказал: согрешили мы, что говорили против Господа и против тебя; помолись Господу, чтоб Он удалил от нас змеев. И помолился Моисей <Господу> о народе. И сказал Господь Моисею: сделай себе <медного> змея и выставь его на знамя, и <если> ужалит змей какого-либо

ческую линию спасения воплощает образ облачного / огненного столпа, который шёл перед народом Израиля при его исходе из Египта³⁶.

Теперь обратим внимание на некоторые детали посоха-креста. Выше уже было сказано, что посох-крест в университетском пространстве функционирует разнопланово. На посохе-восьмиграннике изображены важные символы христианства, таинства. На одной грани посоха можно увидеть колосья пшеницы, на которых развешены лейтмотивные фрукты в синтагме «гранат-виноград-гранат-виноград»³⁷.

Интересно также «начало» и «конец» одной полосы. «Начало» представлено как семя (круг, солнце), из которого произрастает колос, поднимаясь вверх, а «конец» – равно-сторонний крест³⁸. Заметим, что семя определённым образом локализовано, оно находится между двумя возвышенностями горы Арарат (Сис и Масис); здесь же можно увидеть Араратскую долину, собор Св. Эчмиадзина и Ноев ковчег. Как можно заключить из этой символики, «начало» подчёркивает и локальное, национальное (храм Св. Эчмиадзина) и наднациональное (Ноев ковчег) с аллюзией на Ветхий Завет (Быт 8:4).

человека», ужаленный, взглянув на него, останется жив. И сделал Моисей медного змея и выставил его на знамя, и когда змей ужалил человека, он, взглянув на медного змея, оставался жив» (Числ 21:6-9).

³⁶ «Господь же шёл пред ними днем в столпе облачном, показывая им путь, а ночью в столпе огненном, светя им, дабы идти им и днем, и ночью. Не отлучался столп облачный днём и столп огненный ночью от лица <всего> народа» (Исх 13:21-22).

³⁷ Подобные синтагмы – как, например, «семя – крест – семя – крест», где крест изображается с разными лепестками-ветвями (колосья, круги, круги-гранаты), а также синтагмы типа «Богородица – семя – крест – семя – крест – Христос» – говорят о визуальных орнаментальных вариациях и сообщают о духовных метаморфозах.

³⁸ Ср., напр., с известным «Лучезарным крестом» из Ани (X–XII вв.).

Эта же тема, но с иным семантическим акцентом и с иными деталями представлена на другой грани посоха. Солнце (символ Бога) светит между двумя возвышенностями; с неба спускается молот, а на молоте возведён храм Св. Эчмиадзина. Как видно, изображение отсылает к истории армянского историка Агатангелоса, или Агафангела (V в.), рассказывающего о сие Григория Просветителя. Согласно Агатангелосу (§ 735), Бог показал золотым молотом то место, где в Армении должен быть возведён Эчмиадзинский собор [Агатангелос 2004, 219].

Храм поддерживается лейтмотивным орлом – символом духовной (патриаршей, епископской) власти; этот символ встречается, как было показано выше, на всех артефактах, оформляющих территорию теологического факультета. На сторонах посоха-восьмигранника можно увидеть орла, взявшего под опеку своих орлят. Этот сюжет прочитывается в христианском контексте как духовная власть, которая берёт под свою опеку птенцов-верующих. Иными словами, метафора орла раскрывается двумя оппозициями: «священнослужитель vs. верующий» (пастырь vs. агнец) и «церковь vs. верующий».

По сути, изображение орла с орлятами можно прочитывать и в институциональном ключе: церковь (в данном случае как социальный институт) берёт на себя опеку над армянской идентичностью.

Конечно, ключевыми образами на посохе-кресте являются четыре изображения евангелистов. На одной грани оказались Лука и Матфей, а на другой Марк и Иоанн (два сверху и два снизу). Семантически правильно смоделировано само расположение евангелистов: семантический «верх» занимают Матфей-ангел и Иоанн-орёл, а семантический «низ» – Лука-телец и Марк-лев. Между евангелиста-

ми на разных гранях изображены различные эпизоды из Нового Завета. На вертикальной полосе между евангелистами Лукой и Матфеем снизу вверх изображены таинства крещения, покаяния, причащения, а между Марком и Иоанном – остальные четыре таинства: миропомазание, рукоположение (священство), венчание (брак), елеосвящение (соборование) (Ил. 36).

Ил. 36. Деталь расцветшего посоха. Фото автора

Из приведённого описания можно сделать вывод, что посох-крест семиотически многозначен: по своим смысловым, структурным и функциональным параметрам он выражает собой архетипы Мирового Древа, Древа Познания и Древа Жизни. Как Мировое Древо он прочитывается в христианском ключе – в качестве универсальной модели мироздания, поскольку с его помощью выражена универсальная христианская концепция спасения.

Если мы прочтём это Мировое Древо по вертикали, то мы обнаружим три его уровня. Первый уровень – это земля со своей биосферой в восьмиграннике (газон, цветы); второй уровень – это ствол-дорога со всеми ключевыми христианскими ценностями и таинствами, ведущая верующего «вверх», к Богу, ко Христу (и это уже третий уровень). Иными словами, можно сказать, что тернарность сооружения описывает православную христианскую цивилизацию, противопоставленную нулевому (отсутствующему) знаку – хаосу, греху, антихристианству.

Можно также заключить, что посох-крест становится моделью христианского космоса (космос vs. хаос), основанного на числе «три» (земля – дорога – Бог / Христос) и прочитываемого в своей истории как начало – середина – конец / конец начала.

В.Н. Топоров отмечает, что Мировое Древо «выступает как посредствующее звено между вселенной (макрокосмом) и человеком (микрокосмом)». Образ Мирового Древа обеспечивает «целостный взгляд на мир, определение человеком своего места во вселенной» [Токарев 1991, 405]. В нашем случае университетский посох-крест становится связующим звеном между человеком (микрокосмом) и Богом, Христом (Небом, вселенной, макрокосмом).

Однако следует оговориться, что данный посох, благодаря символике ствола, приобретает ещё и визуально-семиотические признаки Древа Познания или Древа Истины³⁹, поскольку в нём визуализированы все основные ценности и таинства Армянской апостольской церкви. Именно через таинства верующий может узнать о добре и приобрести вечную жизнь (жизнь vs. физическая смерть vs. возрождение через Христа / вечная жизнь). В этом плане посох-крест приобретает ещё одну дополнительную семиотическую функцию и становится Древом Жизни⁴⁰.

Таким образом, посох-крест университетского пространства оказывается многозначным памятником, функционирующим как Мировое Древо и вбирающим в себя дополнительные модификации – как Древо Познания и Древо Жизни. Иными словами, срабатывает «аксиома» религиозной коммуникации: от видения знаков, отсылающих к Богу, – к церковным ценностям, к бытию трансцендентного и к знанию⁴¹.

³⁹ См. подробнее: Токарев 1991, 406-407.

⁴⁰ См. подробнее: Токарев 1991, 396-497.

⁴¹ См. об этом: Аванесов 2019 б, 19-26.

Выводы

Из описанного выше можно заключить, что экстерьер и интерьер теологического факультета становится культурно-семиотическим пространством благодаря определённым артефактам – таким, как хачкар, барельеф, расцветший посох-крест. Хачкары указывают на историю создания факультета, фиксируют в памяти грядущих поколений имя его основателя.

«Локальная» история факультета и средневековая университетская традиция представляются в контексте трагедии армянского народа – геноцида 1915 года. Через разные визуальные композиции на факультетскую и историческую память налагается учение Армянской апостольской церкви (таинства, язык хачкара т.д.).

Расцветший посох-крест становится продолжением средневековой армянской университетской традиции, функционируя благодаря своей тернарной структуре – как Мировое Древо, Древо Познания и Древо Жизни, а в прагматическом плане превращается в дидактический «учебник» по ознакомлению с церковными таинствами и в имплицитный визуальный объект проповеди.

ЭПИЛОГ

Данное исследование может быть расценено как «документ эпохи»: университеты являются динамичными социальными институтами, и описанное интерьерно-экстерьерное университетское пространство, его значащие фразы и синтагмы могут со временем отчасти изменяться, а это значит, что обнаруженные смысловые бинарности, ментальные конструкторы могут, соответственно, трансформироваться. Исследователю в будущем придётся переописывать пространство университета заново, опираясь, может быть, на новые подходы, методы и теории.

Интерьерное и экстерьерное пространство Ереванского университета не стало исключением в плане «архетипических» атрибутов, присущих как античной Академии, так и монастырским армянским церквям. Камни-кресты (хачкары) стали важными многофункциональными знаками (маркерами), отсылающими к разным историческим темам, событиям и эпохам: Карабахской войне, началу теологического факультета и 15-летию со дня его основания.

Функционально ЕГУ, как и все вузы, является «храмом науки». Но, судя по интерьеру и экстерьеру, университетское пространство стало транслятором культурных ценностей, исторической и социальной памяти, иными словами, музеем под открытым небом, отсылающим реципиента в глубину веков, тем самым связывая прошлое с будущим. В этих сопряжениях времён именно университет становится главным связующим звеном.

Университет обучает и воспитывает, а его «гуманитарное» пространство входит в диалог со студентами – человеческим ресурсом будущего; однако в этот диалог вовлечены

не только они, но и городские жители, посетители университета и гости города.

Университетское пространство не только со своими экстерьерными артефактами, но и с библиотекой и музеем, хранилищами национального и общечеловеческого культурного наследия, функционирует в качестве «резервуара» социальной памяти. По сути, пространство ЕГУ становится территорией для презентации «мягкой силы» (soft skills) и местом рождения не только профессионала, знатока своего дела, но и культурной личности.

Семиотико-культурное пространство ЕГУ, по сути, является субкультурным пространством по отношению к культурному ландшафту малого центра и самого города как целого. Иными словами, университетское пространство открыто городу и его посетителям. ЕГУ находится в городском центре и является городским университетом (urban university), функционирующим не обособленно (ср. Академгородок в Новосибирске), но в прямой зависимости от городской инфраструктуры и работы транспортных узлов.

Подобное расположение имеют и другие государственные вузы, находящиеся в центре Еревана, хотя они, по сравнению с пространством ЕГУ, выступают как полузакрытые (Национальный политехнический университет Армении, Ереванский государственный медицинский университет, Ереванский государственный экономический университет и др.), поскольку войти в их дворы в нерабочее время невозможно. Сравнительно-типологический анализ территорий других ереванских вузов показывает, что культурно-семиотическое пространство ЕГУ уникально в своей семантической организации и своих прагматических проявлениях. Хочется верить, что и другие вузы будут открыты своим посетителям с помощью культурных артефактов, семиоти-

зированных фраз и синтагм, способствуя реконструкции культурной памяти, укреплению социальной идентичности и росту образовательного потенциала. Университет всегда должен быть «местом встречи» разных поколений.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абрамян 1983 – *Абрамян А.Г.* Гладзорский университет. Ереван, 1983. (На арм. языке).
- Абрамян 2011 – *Абрамян Л.* Конструктивисты раннего средневековья: случай Армении // Антропология социальных перемен. Москва, 2011. С. 87-114.
- Абрамян, Мелкумян 2012 – *Абрамян. Л., Мелкумян Г.* «Сжатые» тексты сувениров и семиотика городского ландшафта // Критика и семиотика. 2012. № 16. С. 48-65.
- Аванесов 2019а – *Аванесов С.С.* Университет и формирование урбанистической реальности // ПРАЕНМА. Проблемы визуальной семиотики. 2019. № 3. С. 268-276.
- Аванесов 2019б – *Аванесов С.С.* О визуальной теологии // Визуальная теология. 2019. № 1. С. 13-43.
- Агатангелос 2004 – *Агатангелос.* История Армении / Пер. с древнеарм., вступ. ст., комм. К.С. Тер-Давтян, С.С. Аревшатяна. Ереван, 2004.
- Азатян 2009 – Ереванский государственный университет / Отв. ред. Л. Азатян. Ереван, 2009. 196 с. (На арм. языке).
- Акопян, Акопян 2015 – *Акопян С., Акопян А.* Республика Армения. Историческая энциклопедия. Ереван, 2015. На арм. яз.
- Аракелян 1979 – *Аракелян С.Н.* [Научная библиотека Ереванского государственного университета]. *Вестник Ереванского университета* [Интернет]. 1979 [процитировано 10 июня 2020 г.]. Доступно по: http://ysu.am/files/25S_Arakelyan.pdf (на арм.).
- Аревшатян, Матевосян 1984 – *Аревшатян С.С., Матевосян А.С.* Гладзорский университет – центр просвещения средневековой Армении. Ереван, 1984. (На арм. языке).

- Асрацян, Манукян 2002 – *Асрацян М., Манукян С.* Монастырь Татев // Христианская Армения: Энциклопедия. Ереван, 2002. С. 994-998. На арм. яз.
- Барт 1989 – *Барт Р.* Избранные работы: Семиотика: Поэтика. М.: Прогресс, 1989.
- Бархударян 2013 – *Бархударян В.* Образование в средневековой Армении: X–XIV века (Краткий очерк) // Историко-филологический журнал. 2013. № 3. С. 3-21. (На арм. языке).
- Бояркина / Симян 2020 – *Бояркина А.В. Симян Т.С.* Университетская «мифология» и микротопонимика интеръерного пространства (на примере филологического факультета СПбГУ) // Сюжетология и сюжетогрфия, 2020, N 1, с. 239-259. Доступно по: <https://www.philology.nsc.ru/journals/sis/pdf/SS2020-1/15.pdf>
- Витгенштейн 1994 – *Витгенштейн Л.* Логико-философский трактат [1921]. Часть 1. М.: Гнозис, 1994.
- Гарибджанян 1971 – *Гарибджанян Л.П.* Ереванский государственный университет. Ереван, 1971.
- Гарибджанян 1986 – *Гарибджанян Г.Б.* От Гладзора до Ереванского государственного университета. Ереван, 1986. (На арм. языке).
- Гарибян 1983 – *Гарибян И.Г.* Гладзор: Локация. Раскопки. Эпиграфика. Ереван, 1983. (На арм. языке).
- Долуханян 1997 – *Долуханян Л.К.* Взаимодействие архитектуры и изобразительных искусств при формировании городской среды // Вестник общественных наук. 1997. № 3 (96). С. 93-107.
- Енгоян 1975 – *Енгоян П.С.* Ереванский университет в годы Отечественной войны. Ереван: Издательство Ереванского университета; 1975. – 312 с. (на арм.).

- Енгоян / Минасян 2019 – *Енгоян П., Минасян Э.* Ереванский государственный университет и выпускники университета в годы Великой отечественной войны (1941-1945 гг.). Монография. Ереван: Армения, 2019. [процитировано 10 декабря 2020 г.] - http://publishing.yusu.am/files/Yengoyan_Minasyan.pdf. (На арм. языке).
- Капитан Арменак Урфанян 2018 – Капитан Арменак Урфанян: «Ни за что не сдам позицию» [Интернет]. Армянское время. 2 апреля 2018 г. [процитировано 10 июня 2020 г.]. Доступно по: <https://armtimes.com/ru/article/134534>
- Кулакова 2006 – *Кулакова И.П.* Университетское пространство и его обитатели: Московский университет в историко-культурной среде XVIII в. М.: Новый хронограф, 2006. – 336 с.
- Лихачев 1994 – *Лихачев Д.С.* Культура как целостная среда // Новый мир, 1994, N 8, с. 3-8. [процитировано 10 декабря 2020 г.] Доступно по: https://magazines.gorky.media/novyi_mi/1994/8/kultura-kak-czelostnaya-sreda.html.
- Лотман 1965 – *Лотман Ю.М.* О проблеме значений во вторичных моделирующих системах // Труды по знаковым системам. Том 2. Тарту, 1965. С. 22-37.
- Лотман 2005 – *Лотман Ю.М.* Воспитание души. Санкт-Петербург: Искусство; 2005. 624 с.
- Международный день ДНК on-line – Международный день ДНК [Интернет]. Академгородок. 25 апреля 2019 г. [процитировано 10 декабря 2020 г.]. Доступно по: <https://academcity.org/content/mezhdunarodnyy-den-dnk>.
- Мушегян 2006 – *Мушегян А.* Месроп Маштоц и домашне-армянское письмо // Историко-филологический журнал. 2006. № 2. С. 210–236. (На арм. языке).

- «Мышь, вяжущая ДНК» on-line – «Мышь, вяжущая ДНК» попала в список самых любопытных памятников науке [Интернет]. Институт цитологии и генетики Сибирского отделения Российской академии наук [процитировано 10 июня 2020 г.]. Доступно по: <http://www.bionet.nsc.ru/-index/press-czentr/press-relizyi/2019/03/13/myish-vyazhu-shhaya-dnk-popala-v-spisok-samyix-lyubopyitnyix-pamyatnikov-nauke/>
- Оже 2017 – Оже М. Не-места. Введение в антропологию гипермодерна. М.: Новое литературное обозрение, 2017. – 136 с.
- Поронюк 2015 – Поронюк С.А. Культурная среда университета как объект исследования // Вестник Московского государственного гуманитарного университета имени М. А. Шолохова. Педагогика и психология. 2015. № 3. С. 40–46.
- Симонян 2018 – Из истории ЕГУ / Гл. ред. А. Симонян. Ереван, Издательство ЕГУ, 2018. 289 с. (на арм.).
- Смирнов 2019а – Смирнов С.А. Город-кампус, или Образовательное пространство города. Методологический конструкт // Высшее образование в России. 2019. Т. 28. № 4. С. 44-59.
- Смирнов 2019б – Смирнов С.А. Образовательное пространство города в категориях антропопрактик заботы. Идея конфигуратора // Высшее образование в России. 2020. Т. 29, № 11. С. 63-74.
- Степанян 2008 – Степанян Н. Мотив граната в раннесредневековом изобразительном искусстве Армении. *Историко-филологический журнал* [Интернет]. 2008 [процитировано 10 июня 2020 г.], с. 210–229. Доступно по: <http://hpj.asj-oa.am/2538/>.

- Степанян 2012 – *Степанян А.* Цивилизация-музей семантическая инверсия (теоретические постановки вопросов). *Музей.* 2012, с. 78-87. (на арм.).
- Степанян, Симян 2012 – *Степанян А.А., Симян Т.С.* Ереван как семиотический текст (опыт реконструкции «начала» и «конца» проспекта Маштоца) // Критика и семиотика. 2012. № 16. С. 6-16.
- Токарев 1991 – Мифы народов мира: Энциклопедия. Том 1 / Под ред. С. А. Токарева. Москва, 1991.
- Фромм 2012 – *Фромм Э.* Анатомия человеческой деструктивности. Пермь: Биг-Пресс; 2012. 488 с.
- Хорольская on-line – *Хорольская М.* Памятник ДНК (Памятник науке) [Интернет; процитировано 10 июня 2020 г.]. Доступно по: <http://2vrn.ru/pamyatnik-dnk-slava-sovetskoj-nauke-voronezh.html>
- Asche 1999 – *Asche M.* Der Ostseeraum als Universitäts- und Bildungslandschaft im Spätmittelalter und in der Frühen Neuzeit. Baustein für eine hansische Kulturgeschichte // *Blätter für deutsche Landesgeschichte*, 135, S. 1-20.
- Asche 2000 – *Asche M.* Von der reichen hansischen Bürgeruniversität zur armen mecklenburgischen Landeshochschule. Das regionale und soziale Besucherprofil der Universitäten Rostock und Bützow in der Frühen Neuzeit (1500-1800). Stuttgart: Steiner. – 635 S.
- Asche 2008 – *Asche M.* Bildungslandschaften im Reich der Frühen Neuzeit – Überlegungen zum landsmannschaftlichen Prinzip an deutschen Universitäten in der Vormoderne. In D. Siebe (Hrsg.), *Orte der Gelahrtheit. Personen, Prozesse und Reformen an protestantischen Universitäten des Alten Reiches.* Stuttgart: Steiner. S. 1-44.
- Asche 2010 – *Asche M.* Philipp Melanchthon als christlicher Schulhumanist und Bildungsreformer – Wittenberg und der

- Export des humanistischen Bildungsprogramms. In F. Schweitzer, S. Lorenz, & E. Seidel (Hrsg.), Philipp Melanchthon. Seine Bedeutung für Kirche und Theologie, Bildung und Wissenschaft. Neukirchen-Vluyn: Neukirchener Verl.-Ges. S. 75–94.
- Bachmann-Medick 2007 – *Bachmann-Medick D.* Spatial Turn // Cultural Turns (Hrsg. Bachmann-Medick D.). Neuorientierung in den Kulturwissenschaften. 2. Aufl. Reinbek: Rowohlt, S. 284-328.
- Bönisch 2013 - *Bönisch L.W.* Universitäten und Fürstenschulen zwischen Krieg und Frieden: eine Matrikeluntersuchung zur mitteldeutschen Bildungslandschaft im konfessionellen Zeitalter (1563–1650). Berlin: Epubli. – 488 S.
- Dickerhof 1994 - *Dickerhof H.* (Hrsg.) Bildungs- und schulgeschichtliche Studien zu Spätmittelalter, Reformation und konfessionellem Zeitalter. Wiesbaden: Reichert. – 317 S.
- Dotzauer 1977 – *Dotzauer W.* Deutsches Studium und deutsche Studenten an europäischen Hochschulen (Frankreich, Italien) und die nachfolgende Tätigkeit in Stadt, Kirche und Territorium in Deutschland // E. Maschke & J. Sydow (Hrsg.), Stadt und Universität im Mittelalter und in der früheren Neuzeit. Sigmaringen: Thorbecke, 1977, S. 112-141.
- Frijhoff 2007- *Frijhoff W.* The Confessions and the Book in the Dutch Republic. In H. Schilling & S. Ehrenpreis (Hrsg.) // Frühneuzeitliche Bildungsgeschichte der Reformierten in konfessionsvergleichender Perspektive. Schulwesen, Lesekultur und Wissenschaft. Berlin: Duncker & Humblodt, S. S. 185-211.
- Geppert / Jensen / Weinhold 2005 – Geppert, A. C. T., Jensen, U., & Weinhold, J. Verräumlichung. Kommunikative Praktiken in historischer Perspektive 1840–1930 // A. C. T. Geppert, U. Jensen, & J. Weinhold (Hrsg.), Ortsgespräche.

- Raum und Kommunikation im 19. und 20. Jahrhundert. Bielefeld: Transcript, S. 15-49.
- Giese 2009 – *Giese S.* Studenten aus Mitternacht. Bildungsideal und peregrinatio academica des schwedischen Adels im Zeichen von Humanismus und Konfessionalisierung. Stuttgart: Steiner. - 826 S.
- Haar 2011 – *Haar Sh.* The City as Campus: Urbanism and Higher Education in Chicago. Minneapolis/ London: University of Minnesota Press, 2011. – 245 p.
- Kießling 2003 - *Kießling R.* „Schullandschaften“ – ein Forschungsansatz für das Spätmittelalter und die Frühe Neuzeit. Entwickelt anhand süddeutscher Beispiele. In H. Schilling & S. Ehrenpreis (Hrsg.) / Erziehung und Schulwesen zwischen Konfessionalisierung und Säkularisierung. Forschungsperspektiven, europäische Fallbeispiele und Hilfsmittel. Münster: Lit. S. 35–54.
- Pešek 1991 – *Pešek J.* The University of Prague, Czech Latin Schools and Social Mobility 1570–1620 // History of Universities, 10, 117-136.
- Rutz 2010 - *Rutz A.* Das Rheinland als Schul- und Bildungslandschaft (1250–1750) (Hrsg. Rutz A.). Köln: Böhlau. – 378 S.
- Schindling 1999 - *Schindling A.* Bildung und Wissenschaft in der Frühen Neuzeit 1650-1800 (2. Aufl.). München: Oldenbourg. – 148 S.
- Schlögel 2003 – *Schlögel K.* Im Raume lesen wir die Zeit. Über Zivilisationsgeschichte und Geopolitik. München: Beck, 2003. – 566 S.
- Töpfer 2009 – *Töpfer T.* Bildungsgeschichte, Raumbegriff und kultureller Austausch in der Frühen Neuzeit. „Bildungslandschaften“ zwischen regionaler Verdichtung und europäischer Ausstrahlung. In M. North (Hrsg.),

Kultureller Austausch. Bilanz und Perspektiven der Frühneuzeitforschung. Köln: Böhlau. S. 115-139.

Töpfer 2016 – Töpfer Th. „Bildungsräume“ und „Bildungslandschaften“ – Raumbezogene Forschungskategorien aus Sicht der Bildungsgeschichte
Konzeptionelle und methodische Perspektiven // Zeitschrift für Erziehungswissenschaft, 2016, Volume 19, Issue 1, S. 83-99.

SUMMARY

Tigran Simyan

YEREVAN STATE UNIVERSITY: SEMIOTICS OF SPACE, INTELLECTUAL LANDSCAPE AND SOCIAL MEMORY

The introduction presents the methods and approaches for analyzing the university space. It also provides a brief critical review of the scientific literature on the topic.

Part One is devoted to the semiotic-typological analysis of the interior space and external grounds of Yerevan State University (YSU). It is a continuation of the discourse “University Space” (TODO: Citation Here). The cultural artefacts of YSU are approached by the semiotic method, rather than the cultural-historical method. It offers a detailed description of the spatial “beginning” of the university’s exterior grounds, highlights the semantic and paradigmatic features of its central sculpture, as well as the interior bas-relief of the YSU Library and the medieval markers of the university space. The central space of YSU is semiotized by means of various sculptures, monuments, and bas-reliefs. These are signs of social and cultural memory, referring to different cultural eras: from the Middle Ages to the Soviet times. The “beginning” of the university space is marked by the depictions of key Armenian scholars that became the constants of the interior and exterior space of YSU. Predominant in these depictions are some prominent representatives of the Armenian medieval university tradition. The figures depicting the

founder of Armenian alphabet Mesrop Mashtots and Catholicos Sahak Partev refer to the past, pointing to the antiquity of the Armenian alphabet and the deep roots of the Armenian scholastic university tradition. In addition to medieval cultural figures, we find renowned poets and writers of New and Contemporary Armenian Literature such as Abovyan, Nalbandyan, Tumanyan, and Charents. They played an important role in the formation of public and literary life, leading to the Europeanization of Armenian literature, as well as to paradigmatic cultural transitions. The analysis of the empirical material demonstrated that the range of historical artifacts also involves the Soviet era (socialist realism). Detailed study of the bas-relief of socialist realism showed that it is a stereotypical artifact of the Soviet era, a visual propaganda of Soviet ideology.

Part Two considers the semiotized space of the interior and exterior of the central building of YSU, with a special focus on the lobby, the structure of the university's museum, as well as its exterior grounds. Cultural artifacts that refer to social, cultural, and historical memory are revealed to the university's "reader". The main semantic markers of the "center" of the university – the museum, the library, and the sculptures – are the carriers of cultural, national, and supranational memory. The library reflects the formation and history of the university, as well as the most important and dramatic events in the history of the Armenian people – the World War II and the Karabakh War of the 1990s and 2016; these are also accentuated in the university's exterior.

Part Three provides a detailed description and analysis of cultural and religious artifacts of the interior and exterior of YSU. Specifically, it focuses on the interior and exterior of the Faculty of Theology of Yerevan State University. As a cultural and semiotic discourse concerning university space, it partially fulfils a larger task of analyzing the “Yerevan city text”. The methodological foundation of this analysis is semiotic metalanguage. This study reveals that the cultural and religious artifacts of the university space are means for visualizing central Christian values, the history of founding of Etchmiadzin Cathedral (the mother church of the Armenian Apostolic Church), didacticization and animation of the ecclesiastical and cultural heritage, as well as the implicit preaching of the Church doctrine. It briefly touches upon the history of the formation of the Faculty and then analyzes the symbolic features of the two cross stones, one bas-relief, and a blossomed crosier, together with the “accompanying” texts. It especially focuses on the main national and transnational elements of visual texts, such as seed, sun, circle, cross, blossoming petals on the cross, eagles, ears of wheat, symbols of the evangelists, Noah’s ark, golden hammer, grapes, pomegranates, etc. The symbolism and functions of the blossomed crosier are also analyzed; its comparison with the crosiers at Tatev Monastery and Etchmiadzin reveal that its placing on the territory of YSU is a revitalization of the Armenian medieval university tradition, that’s functioning due to its ternary structure – as the World Tree, as the Tree of Knowledge, and as the Tree of Life.

From the pragmatic point of view, it also turns into a visual object of implicit preaching as well as a didactic “text-book” that introduces the Church sacraments.

The Epilogue provides a meta-summary of the analysis of the empirical material and artifacts of the university space.

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

ТИГРАН СИМЯН

ЕРЕВАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ:
СЕМИОТИКА ПРОСТРАНСТВА,
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ЛАНДШАФТ,
СОЦИАЛЬНАЯ ПАМЯТЬ

Компьютерная верстка К. Чалабян
Редактор А. Хизанцян
Дизайн обложки А. Патваканяна

Типография ООО «ВАРМ».
Ереван, ул. Тиграна Меца, 48, кв. 43

Подписано к печати 30.03.2021.
Формат 60x84¹/₁₆. Тип. печ. 6,5.
Тираж 100.

Издательство ЕГУ
Ереван, 0025, Ал. Манукяна 1
www.publishing.ysu.am